

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКІЕ ВЕДОМОСТИ

2 (54) - 2017

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

NA WAWELU

Rysowała Zofia BUJWOŁOWA

«Единство» организовал традиционное празднование Пасхи с творческими выступлениями взрослых и юных членов центра.

С 1 по 21 мая 2017 г. прошли традиционные Дни польской культуры на Кубани.

Празднования начались 1 мая – в День международной солидарности трудящихся. Члены Польского национально-культурного центра «Единство», одетые в национальные костюмы, приняли участие в Первомайской демонстрации, организованной в кубанских городах. В краевой столице демонстрация прошла по центральной краснодарской улице Красной.

2 мая члены Польского центра «Единство» отметили День Полонии и поляков за границей, а также День польского флага, **3 мая** – День Конституции 3 мая 1791 года и Пресвятой Девы Марии – Королевы Польши.

7 мая в Краснодарской центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова в рамках празднования Всемирного Дня Полонии и поляков за границей состоялось торжественное собрание Польского национально-культурного центра «Единство», посвящённое истории польских национальных символов.

Собравшиеся послушали одно из патриотических произведений великой польской поэтессы Виславы Шимборской (Ануш Заблудская), узнали интересные факты о польских гербе, флаге, гимне (Ян Карбовницкий, Наталья Красненкова, Анастасия Сафоновко, Павел Трофимов, Арсения Шеянова),

11 апреля 2017 г. прошёл открытый фестиваль молодёжных творческих инициатив Кубанского государственного университета «Этажи-2017». Студенты факультета истории, социологии и международных отношений при поддержке Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство» организовали Польскую гостиную. Была подготовлена выставка книг о Польше, видеосюжеты о польской природе и исторических местах, польская музыка и танцы, дегустация блюд польской кухни.

16 апреля 2017 г. состоялось празднование Святой Пасхи. В этом году католический и православный календари празднования светлого праздника совпали. Польский центр

Остробрамской и Ченстоховской иконах Богородицы (Лариса Литвинова и Елена Агаркова), польской средневековой литературе (студенты филологического факультета Кубанского госуниверситета во главе с Виталием Валеевым).

9 мая члены Польского центра «Единство» участвовали в праздничных мероприятиях, посвящённых Дню Победы, в том числе в церемонии возложения венков и цветов к мемориалу «Вечный Огонь» и обелиску погибшим воинам на Всесвятском кладбище в Краснодаре.

14 мая в Сельском Доме культуры станицы Старокорсунской состоялся XI краевой фестиваль «Славянская душа», организованный Союзом славян Кубани. В мероприятии традиционно принял участие творческий

коллектив Польского центра «Единство» – молодёжный танцевальный ансамбль «Новы Свят» под руководством Анастасии Сафоновко.

организации Национально-культурная автономия «Союз поляков Дона» Наталья Мишина и лидер инициативной группы поляков Ставрополя Яна Мативецкая.

Дорогими гостями праздника стали представители Совета молодых депутатов Кореновского района (Андрей Васильев, Максим Задорожный, Игорь Кремезной, Михаил Галеев и Александр Козлов), а также заслуженный лётчик России полковник Александр Вакин, который был командиром 55-го вертолётного полка (с 1981 по 1992 год полк под его командованием дислоцировался в Польше). С февраля 2017 года Совет молодых депутатов г. Кореновска является организацией-партнёром «Единства» и взаимодействует с ним в сфере укрепления культурно-исторических связей Польши и Кореновского района. На праздничном мероприятии молодые депутаты торжественно вручили председателю ПНКЦ «Единство» Александру Селицкому копию знамени Кореновского 397 стрелкового полка, освобождавшего братский славянский народ от фашистского ига, а ветеран-вертолётчик Александр Вакин подарил памятное фото. В ответ руководитель польской организации передал парламентариям флаг Республики Польша, фотоальбом «Польша» и уникальное издание книги «Могилы и кладбища русских и советских солдат XIX и XX века в Польше». Кроме того, Совет молодых депутатов Кореновского района и Польский национально-культурный центр «Единство» подписали соглашение о взаимодействии и целевом сотрудничестве.

В ходе концертной программы состоялись выступления заслуженных артистов Кубани Виктора Михайловского и Александра Гогавы, юного пианиста Мирослава Костенко, вокальные номера в исполнении полонийной капеллы «Чарующие шлягеры» (руководитель — Тамара Рыльская), Андрея Живенкова и членов его семьи, фолк-группы «Алатырь» (руководитель — Герман Рыльский), виртуозное гитарное исполнение Вадима Кермасава.

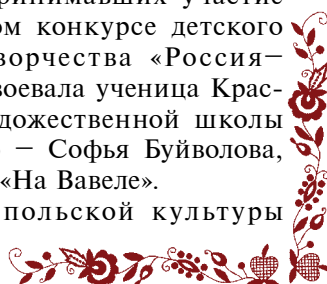

21 мая в актовом зале Краснодарского краевого центра национальных культур прошло торжественное закрытие Дней польской культуры на Кубани, в рамках которого состоялся концерт, включающий музыкальные номера, подготовленные членами КРОО ПНКЦ «Единство». Мероприятие было организовано при поддержке администрации Краснодарского края, города Краснодара, ККОО «Центр национальных культур», МКУ «ОИЦ г. Краснодара» и Посольства Республики Польша в Москве. Перед собравшимися выступили представитель краевой администрации С.А. Мозговой и консул по делам польской диаспоры консульского отдела Посольства Республики Польша в Москве Рафал Косиба. Среди гостей вечера были вице-президент Ростовской городской общественной

Завершились торжества награждением юных художников, принимавших участие в XIII Международном конкурсе детского изобразительного творчества «Россия — Польша». Гран-при завоевала ученица Краснодарской детской художественной школы им. В.А. Пташинского — Софья Буйволова, подготовившая работу «На Вавеле».

Участники Дней польской культуры получили дипломы и памятные подарки.

**Krasnodarska Organizacja Regionalna
Polskie Centrum Narodowo-Kulturalne „Jedność”**
Rosja, 350000, m. Krasnodar, ul. Krasnoarmiejskaja, 53. Pok. 4/II.
<http://poloniakubania.org>, tel.: +7-918-217-90-77; e-mail: poloniakubania@mail.ru

Krasnodar, 10.05.2017 r.

W.Sz.P.

Marina Sadykowa-Lisowska
Prezes Regionalnej Organizacji Społecznej Centrum
Kultury i Oświaty Polskiej „Odrodzenie”
Republika Baszkortostan

Wielce Szanowna Pani Prezes,

z okazji 20. Rocznicy założenia Regionalnej Organizacji Społecznej Centrum Kultury i Oświaty Polskiej „Odrodzenie” w Republice Baszkortostan oraz w związku z Rokiem Rzeki Wisły pragnę złożyć serdeczne pozdrowienia dla wszystkich członków Pani Organizacji oraz dla Szanownej Pani osobiście.

Z ogromną przyjemnością składam Pani wyrazy uznania za wysiłek, jakiego dokonuje Pani na rzecz Organizacji, za działalność na polu odrodzenia i propagowania tradycji i kultury polskiej oraz rozpowszechniania znajomości języka polskiego wśród Rodaków, a także za wielkie serce, którego nie oszczędza Pani w prowadzeniu naszej wspólnej działalności polonijnej.

Składam Pani życzenia wszelkiej pomyślności, sukcesów, wytrwałości oraz zdrowia i pogody ducha. Łączę wyrazy głębokiego szacunku

dr Aleksander Sielicki
Prezes KOR PCNK „Jedność”

W UFY

11 maja 2017 r. w korpusie literatury obcej Biblioteki Narodowej im. A. Z. Walidi odbyło się uroczyste otwarcie Dni Kultury Polskiej w Republice Baszkortostan.

W ROKU bieżącym Dni Kultury Polskiej odbywają się w ramach Dni Piśmiennictwa Słowiańskiego oraz są poświęcone 20 rocznicy powstania Centrum Polskiej Kultury i Oświaty w Republice Baszkortostan.

Wśród gości honorowych byli obecni: wice-minister kultury Republiki Baszkortostan W. W. Łatypow, kierownik Wydziału Konsularnego Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej Marek Zieliński, prezes Krasnodarskiej Organizacji Regionalnej

P o l s k i e
C e n t r u m

Narodowo-Kulturalne „Jedność” A. I. Sielicki, prezes Polskiego Centrum Kulturalnego miasta Kopiejska z obwodu Czelabińskiego W. S. Malinowski, wice-prezes Polskiego Centrum Kulturalnego miasta Kopiejska z obwodu Czelabińskiego A. W. Malinowska, potomek polskiego rodu Pieślaków zamieszkałych niegdyś w rejonie Miszkińskim O. W. Piszkowa (miasto Izewsk), dyrektor Domu Przyjaźni Narodów Republiki Baszkortostan A. A. Ibragimow, kierownik Wydziału Oświaty dzielnicy Kirowskiej miasta Ufy L. S. Nigmatullina, kierownik Katedry Języka Rosyjskiego Instytutu Kształcenia Filologicznego i Komunikacji

Międzynarodowych Baszkirskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. M. Akmułły profesor I. W. Artuszkow.

Uroczystość zainaugurował zespół Polskiej Szkoły Niedzielnej im. A. Pieńkiewicza, który wykonał polskie piosenki ludowe oraz piosenki «Płynie Wisła, płynie» i «Bo wszyscy Polacy to jedna rodzina»; wychowanka Baszkirskiego College Choreograficznego im. R. Nuriego Waleria Riedkina zaprezentowała mazurka. Ozdobę uroczystości stanowił występ chórzystki Baszkirskiego Państwowego Teatru Opery i Baletu Wiery Romaszowej, która przedstawiła własne tłumaczenia poezji polskiej pod akompaniament własnych utworów muzycznych.

KOWNO: ZWIĄZEK POLAKÓW NA LITWIE

Spółeczność polska na Litwie liczy około 250 tysięcy osób. Polacy są najliczniejszą mniejszością narodową, i stanowią 6,7 procent ludności tego kraju, choć faktycznie odsetek Polaków może być większy, gdyż nie wszyscy przyznają się do swego pochodzenia.

CZĘSTO też są rodziny z mieszanych, polsko-litewskich, polsko-rosyjskich małżeństw. Polacy według oficjalnej państwowej statystyki zamieszkują przede wszystkim rejon Wileńszczyzny: wileński – ok. 65%, trocki – 35%, solecznicki – 80%, szyrwincki – 10%, malacki – 8,1%, święciański – ok. 30%, elektreński – 8%, orański – 7%, a także w rozproszeniu na lituanizowanej Kowieńszczyźnie ok. 4-5 tys., co równoznaczne jest z ok. 1,7%-2% mieszkańców.

Związek Polaków na Litwie składa się z sześciu Oddziałów, oraz 264 Kół działających w Wilnie, Solecznikach, Landwarowie, Podbrodziu, Turmontach, Jawniunach, Szylutach, Kijuciach koło Oran, Druskiennikach, Wisaginie, Akademii, Kownie, Wędziagole i Kłajpedzie.

ZPL liczy obecnie około 12 tysięcy członków. Powstał w 1990 roku i zastąpił wcześniejsze Stowarzyszenie Społeczno-Kulturalne Polaków na Litwie (pierwszą powojenną oficjalną organizację polską na Litwie).

Zadaniem Związku Polaków na Litwie, tak jak przed 25 laty, jest krzewienie polskości. Tam, gdzie nie ma polskich szkół, powołuje się niedzielne szkoły języka polskiego w których uczy się około 300 dzieci. Przy Oddziałach ZPL działają biblioteki, zespoły folklorystyczne i teatralne. Opiekuje się cmentarzami, zabytkami i pomnikami znanych Polaków i żołnierzy polskich. Organizuje ekspedycje etnograficzne, warsztaty i szkolenia. Kulturuje obchodzenie rocznic narodowych.

Osiągnięcia ZPL są wysoko oceniane w Polsce i wśród Polonii. Zadaniem ZPL jest integracja Polaków. Prowadzi on działalność oświatową i kulturalną, wspiera polskie inicjatywy gospodarcze; uczestniczy w wyborach parlamentarnych i samorządowych. Wydaje tygodnik «Nasza Gazeta».

Prezesem organizacji jest pan Michał Mackiewicz, który przed kilku laty został wybrany na stanowisko wiceprezesa Rady Polonii Świata.

Związek jest uprawniony do wystawiania zaświadczeń potwierdzających aktywne zaangażowanie w działalność na rzecz języka i kultury polskiej oraz do przyjmowania i przekazywania właściwemu konsulowi wniosków o przyznanie Karty Polaka (obwieszczenie Prezesa Rady Ministrów z dnia 17 marca 2008 r. w sprawie wykazu organizacji polskich lub polonijnych uprawnionych do wystawiania zaświadczeń potwierdzających aktywne

zaangażowanie w działalność na rzecz języka i kultury polskiej lub polskiej mniejszości narodowej (M.P. z 2008 r. Nr 25, poz. 249)).

Związek Polaków w Kownie powstał w 1991 roku. Pierwszym prezesem był pan A. Korkuć, a następnie przez wiele lat pani Lidia Chomańska. Początkowo siedziba mieściła się w niedużym, drewnianym domku w centrum Kowna. Była tam biblioteka, którą zajmowała się pani Regina Kontowt-Gaczowa. To właśnie dzięki pani Reginie, przed piętnastu laty dowiedziałam się o działalności tej organizacji. W tej ubogiej wyposażonej świetlicy spotykali się Polacy, wypożyczali książki. Istniała szkoła języka polskiego. Było koło dramatyczne i Zespół Folklorystyczny „Kotwica”.

Zespół występował nie tylko na Litwie, ale także i w Polsce; w Warszawie, Pomiechówku, Zakroczymiu i Szczecinie. Dwukrotnie brał udział w Festiwalu Kresowym w Mrągowie.

Coroku, od wielu lat, dzięki gościnności szkoły szczecińskiej odbywają się tygodniowe warsztaty taneczno-muzyczne.

Od 2001 roku prezesem Związku Polaków w Kownie jest pani Franciszka Abramowicz. Organizacja posiada nową siedzibę przy ul. Laisves 83. Siedziba jest większa i lepiej wyposażona np. w telewizor, magnetofon, magnetowid i komputer z dostępem do Internetu. Tu można zapoznać się nie tylko z polskim filmem, ale z literaturą piękną, czy poczytać gazety, które ukazują się na Litwie w języku polskim jak „Kurier Wileński”, „Spotkania”, „Tygodnik Wileńszczyzny” czy „Magazyn Wileński”.

Od ponad pięćdziesięciu lat, w kościele Świętego Krzyża odprawiana jest msza święta w języku polskim. Niestety obecnie dość wcześnie, bo o godzinie 8.30 i przez to niewiele osób w niej uczestniczy. Przyszedł na nią polscy także studenci i żołnierze. Chór, który daje oprawę muzyczną początkowo liczył szesnaście osób. Obecnie śpiewa zaledwie cztery czy pięć.

Po mszy świętej zainteresowani zbierają się w nowej siedzibie, przy wspólnie przygotowanym śniadaniu i kawie, gdzie w ramach Uniwersytetu Trzeciego Wieku organizowane są prelekcje, głównie z zakresu teologii, które prowadzą księża kapucyni.

W bieżącym roku miałam zaszczyt wygłosić prelekcję o religijności szlacheckiej.

W poprzednich latach odbyły się moje spotkania autorskie, po wydaniu tomiku wierszy „Tęsknotą Pisane” i ostatniej książki „Nad Niewiażą”. Były zawsze wzruszające, dające mi wiele satysfakcji, we wspólnie wręcz rodzinnej atmosferze. Tym bardziej, że odbywały się w rodzinnych stronach mojego Ojca śp. Zygmunta Zawiszy.

Mam nadzieję, że możliwości multimedialne, oraz nowe pomysły spowodują ożywienie polskiego środowiska, tak, że więcej młodych osób o korzeniach polskich włączy się w działalność Związku Polaków w Kownie, czego serdecznie życzę tym wspólnym działaczom, zachowującym polskość na Litwie Kowieńskiej.

Iwona ZAWISZA-CHYZANOWSKA

**SYBERYJSKI
BIAŁYSTOK**
zmartwychwstanie

List Biskupa Pańskiego

Chrystus zmartwychwstał!

Drodzy Przyjaciele!

We środę oktawy Wielkanocy, 19 kwietnia 2017 r. nad ranem, doszczętnie spłonął drewniany katolicki kościół p.w. św. Antoniego Padewskiego w Białymstoku, niewielkiej wiosce położonej 220 km na północny zachód od Tomsku, w Zachodniej Syberii. Z pożaru ocalała jedynie ceglana podmurówka, gipsowa figura Matki Bożej stojąca przed wejściem i metalowy krzyż, który umieszczony był na szczycie dzwonnicy. Na skutek wysokiej temperatury, w ogniu stopił się również duży ołtarzowy krzyż z brązu oraz dzwon (całkowitemu zniszczeniu nie uległo jedynie serce dzwonu i kawałek jego dolnej krawędzi z napisem „Maryja”).

Tak się złożyło, że w ten dzień – czyli w środę oktawy Wielkanocy – w liturgii mszalnej Kościoła Katolickiego czytany jest fragment z Ewangelii wg św. Łukasza (24,13-35) o dwóch uczniach idących do Emaus. Rozmawiali oni między sobą o tym wszystkim, co ich spotkało, czyli o bolesnych wydarzeniach związanych z męką i śmiercią Pana Jezusa. My również, podobnie jak oni, pytamy się o znaczenie tego bolesnego wydarzenia, jakim był dla nas pożar. Nie opuszcza nas bowiem przekonanie o tym, że, tak jak kiedyś Zmartwychwstały Chrystus dołączył do uczniów idących do Emaus, tak i dziś nie opuszcza nas w trudnościach, lecz towarzyszy nam, a szczególnie wiernym z Białegostoku. A jeśli tak, to nie powinniśmy patrzeć na zgłiszczą spalonego kościoła rozpamiętując i powtarzając sobie nawzajem: „A myśmy się spodziewali...”, lecz – ufając Zmartwychwstałemu – z wiarą i nadzieją patrzeć w przyszłość wołając do Niego: „Zostań z nami Panie...”.

W imieniu wszystkich katolików diecezji nowosybirskiej, parafian parafii pw. Matki Bożej Królowej Różańca Świętego w Tomsku i należących doń mieszkańców wioski Białystok, a także w imieniu wspólnoty ojców jezuitów, których trosce duszpasterskiej powierzani są katolicy całego obwodu tomskiego, chcę serdecznie podziękować wszystkim, którzy sercem i duszą

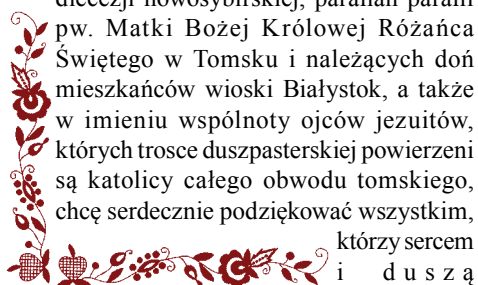

zareagowali na pożar kościoła w Białymstoku. Dziękuję mieszkańcom Tomsku (nie tylko katolikom), Rosjanom, a także obywatelom Polski, Niemiec, Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii. Wielu z nich modliło się za białostockich katolików, wielu przekazało wyrazy współczucia i zadeklarowało gotowość pomocy w odbudowie kościoła, a niektórzy już wsparli to dzieło swymi ofiarami.

Kościół w syberyjskim Białymstoku to nie tylko budynek, ale cała historia, ściśle związana z losami wioski założonej w 1898 r., przez przybyłych tam Polaków – dobrowolnych przesiedleńców z grodzieńskiej i wileńskiej guberni. Już po dziecięciu latach od przybycia, w 1908 r., w założonej przez siebie wsi zbudowali drewniany kościół, który stał się centrum życia ich społeczności. W nim modlili się, zawierali małżeństwa, chrzcili dzieci, opłakiwali swoich zmarłych i tych, którzy zginęli na wojennych frontach, dziękowali za urodzaje i powierzali Bogu samych siebie i swoich bliskich. W początkach lat 30. ubiegłego wieku kościół został zamknięty przez władze sowieckie, a w 1938 r. był niemy świadkiem tragedii, jaka spotkała uczęszczających doń ludzi. W nocy z 11 na 12 lutego, w ramach tzw. „akcji polskiej”, funkcjonariusze NKWD aresztowali wszystkich polskich

mężczyzn z Białegostoku (88 osób) i po trzech miesiącach rozstrzelali ich w odległym o kilkaset kilometrów więzieniu w Kołpaszewie. Po ich śmierci kościół został doszczętnie ograbiony przez miejscowych, komunistycznych aktywistów.

Z biegiem czasu budynek kościoła przeznaczono na magazyn chleba, następnie urządzono w nim wiejski klub, a gdy klub przeniesiono do nowo zbudowanego pomieszczenia, budynek kościoła stał się bezużytecznym i planowano jego wyburzenie. Jednak w początkach lat 90. XX w. odradzająca się po prześladowaniach wiara sybirskich katolików nie tylko ocalała białostocki kościół, ale też zapoczątkowała nowy rozdział w jego historii. Wierni z Tomsku i Białegostoku zwrócili się najpierw do mnie, swego nowo mianowanego biskupa, a uzyskawszy moją aprobatę i błogosławieństwo przenieśli budynek kościoła w lepiej położone miejsce (na górze) i ponownie przystosowali go do pełnienia pierwotnej funkcji. Dzięki ich staraniom, w 1998 r. mogłem dokonać ponownej konsekracji kościoła: białostoccy katolicy znów mieli miejsce, w którym mogli się modlić, znów mieli swój kościół. Od początku odzyskania kościoła posługę duszpasterską pełnili w

diecezji Przemienienia w Nowosybirsku

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснояр, 2017, № 2 (54)

nim kapłani z parafii w Tomsku. Najpierw ks. Antoni Gzel i ks. Adam Romaniuk, następnie ks. Andrzej Duklewski i ks. Aleksy Barannikow, a ostatnimi czasy o. Krzysztof Korolczuk SJ. Przez wszystkie lata księża byli bardzo aktywnie wspierani przez siostry zakonne oraz świeckich parafian z Tomsku. Dzięki ich wspólnym wysiłkom tamtejsza wspólnota katolicka przetrwała i po dzień dzisiejszy gromadzi się na wspólnej liturgii Mszy św.

Gdy dotarła do nas informacja o pożarze, pierwszą reakcją – zarówno miejscowych wiernych, jak i księży – była chęć odbudowania kościoła. Uważam, że to słuszną reakcją. Kościół trzeba odbudować. Katolicka społeczność Białegostoku jest bowiem wciąż żywa, a tworzą ją zarówno starsi parafianie, jak i dzieci. Właśnie dla dzieci, również dla tych z rodzin niekatolickich, kościół był zawsze miejscem szczególnie bliskim. Przychodzili doń nie tylko na modlitwę i katechizację, ale też by wspólnie i w godziwych warunkach, pobyć z innymi i poczuć, że życie ma sens. Ale kościół trzeba odbudować również ze względu na pamięć o założycielach Białegostoku, bo ta wieś i jej dramatyczna historia, to dla Polaków na Syberii miejsce bardzo szczególne. Ale odbudować, nie znaczy przywrócić do poprzedniego stanu, lecz dostosować do obecnych warunków i potrzeb. By móc dziś pełnić skuteczną posługę duszpasterską wobec

tamtejszej wspólnoty katolickiej potrzeba kościoła mniejszego, ale za to bardziej funkcjonalnego. Chodzi o to, by oprócz przestrzeni sakralnej, zadbać również o pomieszczenia na prowadzenie zajęć dla dzieci i dorosłych, o zaplecze sanitarne i kuchenne i o to, by przyjeżdżający z posługą duszpasterską księża, mieli gdzie przenocować.

Dlatego właśnie, jako pasterz katolików całej diecezji nowosybirskiej, w trosce o dusze mieszkańców wsi Białystok i sąsiadujących z nią miejscowości, zachęcam i proszę wszystkich o włączenie się w dzieło odbudowy tamtejszego kościoła p.w. św. Antoniego Padewskiego oraz o wsparcie procesu odradzania się wspólnot katolickich w obwodzie tomskim.

Parafianie z Białegostoku, katolicy z Tomsku i całego obwodu tomskiego, a także tomska wspólnota jezuitów już teraz dziękują wszystkim, którzy zechcą wesprzeć odbudowę kościoła w Białymstoku oraz pracę duszpasterską wśród katolików obwodu tomskiego. Właśnie ojcowie jezuici – którzy ponad dwieście lat temu zakładali pierwsze parafie na Syberii, a wśród nich parafię w Tomsku (1815), i którym trzy lata temu powierzyłem troskę duszpasterską o tę właśnie parafię – będą odpowiadać za proces realizacji tego dzieła i na bieżąco informować o jego przebiegu. Już teraz szczegółowe informacje na ten temat można znaleźć na założonej przez nich

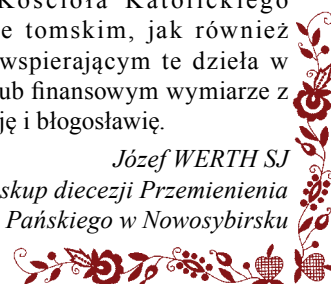
stronie internetowej: www.belostok-catholic.ru

Odbudowę kościoła w Białymstoku, jak i misję apostolską w całym obwodzie tomskim (obszar większy niż terytorium Polski), możemy wesprzeć modlitwą, praktycznymi działaniami oraz środkami finansowymi. Wspierając, będziemy mogli bardzo konkretnie i mądrze obchodzić rocznice, które przypadają w tym i następnym roku. Chodzi o rocznice, które przypominają i zachęcają nas do męstwa, odwagi i dziękczynienia: 120 lat od założenia syberyjskiego Białegostoku przez odważnych przesiedleńców z Polski (1898); 110 lat od budowy kościoła w Białymstoku (1908) i 20 lat od jego ponownej konsekracji (1998). Ale chodzi też o rocznice, które przypominają nam o konieczności pojednania, wzywając do przezwyciężenia podziałów, przebaczenia krzywd i zalecenia ran: 100 lat od pierwszych objawień fatimskich i zawartej w nich prośby o modlitwę w intencji nawrócenia Rosji i tyleż samo lat od krwawej i brzemiennej w skutki Rewolucji Październikowej (1917); 100 lat od zakończenia I Wojny Światowej (1918) i 80 lat od rozstrzelania Polaków w Białymstoku (1938).

Wszystkim zaangażowanym w dzieło odbudowy kościoła w sybirskim Białymstoku oraz w pomoc dla pracy misyjnej Kościoła Katolickiego w obwodzie tomskim, jak również wszystkim wspierającym te dzieła w duchowym lub finansowym wymiarze z serca dziękuję i błogosławię.

Józef WERTH SJ

Biskup diecezji Przemienienia
Pańskiego w Nowosybirsku

Ретроспектива

На фронт я попал, когда мне ещё не было и семнадцати лет. Согласно сохранившимся документам, моя военная служба началась 10 апреля 1944 года во 2-м отдельном батальоне в/ч 31943 1-й Армии Войска Польского.

Вернулся же я домой к матушке в город Тарнополь в январе 1946 года... Город представлял собой сплошные развалины. На своём фронтовом пути — от Ковеля через Померанию до Берлина и ещё добрую сотню вёрст за Берлин — мало я видел руин, подобных тарнопольским.

Насколько вспоминается, такими были Ковель, Варшава и Кюстрин, от которого осталась только одна водокачка. Печальное зрелище представляли Кольберг и, конечно, Берлин...

Я хорошо помню начало войны...

Что такое война, мне пришлось познать вскоре после её начала, в 1941 году. Над нашим украинским городом стали появляться немецкие самолёты, сбрасывавшие бомбы куда ни попадя. Если это были одиночные двухмоторные «хейнкели» или «юнкерсы», то наблюдать за ними было совсем не страшно и даже любопытно — как вокруг них появляются чёрные тучки разрывов зенитных снарядов. Но, если появлялся самолётный строй, а

так частенько летали одномоторные пикирующие Ю-87, то это было уже серьёзно, и следовало бежать в укрытие.

Позже я узнал, что этот весьма распространённый у немцев бомбардировщик сами немцы называли «штука», или «штукас». Это сокращение от «Sturzkampfflugzeug» — пикировщик.

Одним из отличий Ю-87 были две сирены под крыльями, по

угрозы, так как нередко люди гибли по дороге в укрытие, не переждав волну налёта. Находясь в укрытии, следовало прислушиваться, не падают ли поблизости зажигательные бомбы. При её падении раздавался громкий хлопок — примерно как винтовочный выстрел. Это срабатывал капсюль бомбы. Через минуту она уже горела вовсю. Если бомба падала в пожароопасное место, вполне было возможно, ухватив её за

Записки капрала

одной под каждым. Включались они при пикировании и издавали ужасный вой. Но панически это действовало лишь на мирное население, а бывалыми фронтовиками этот вой воспринимался как предупреждение, что сейчас полетят бомбы.

Укрытиями зачастую служили вырытые на придомовых огородах узкие щели. Такая щель должна была быть прикрыта сверху, поскольку падающие с большой высоты осколки зенитных снарядов представляли реальную опасность. Крыши домов были продырявлены ими изрядно. Серьёзную опасность также представляли вылетающие от ударной волны оконные стёкла. В наших кинофильмах, повествующих о войне, показываются окна домов с крест-накрест наклеенными бумажными полосами. Это лишь характеризует некомпетентность киноконсультантов — бумажные полосы ничуть не помогали, более-менее действенную защиту представляли ленты из старых простыней, наклеенные крахмальным клейстером, причём не крест-накрест, а погуше, решёткой.

Довольно быстро были усвоены некоторые правила, следуя которым можно было хоть немного уберечься. Прежде всего нужно было держаться подальше от окон, бежать в убежище только при явном отсутствии близкой

«хвост», отбросить сгорать в безопасную зону.

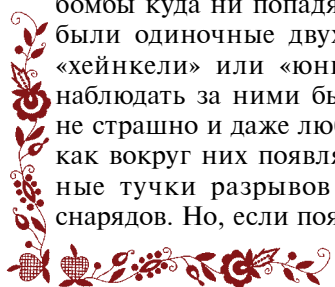
А предатели запомнились особенно

Вскоре в город вошли немцы, и тут же появились полицаи. Форма у предателей была чёрная, суконная, с обшлагами и воротничками из серого шинельного сукна. На рукаве — белая повязка с немецкой надписью «Schutzpolizei» — охранная полиция.

В центре города была организована биржа труда, над которой развевался жёлто-блакитный «прапор» с чёрным трезубом. На эту символику с тех давних пор у меня стойкая аллергия. Насмотрелся я на деяния этих немецких пособников. Это они собирали местных евреев, вывели за окраину и там расстреляли. Они же помогали немцам отслеживать партизан и подпольщиков.

На бирже все жители в возрасте от 14 до 60 лет были обязаны зарегистрироваться. А дальше их по повесткам могли направлять на различные работы, и многих отправили в Германию.

На центральной площади была сооружена виселица. Я до сих пор помню первую повешенную с нагрудной табличкой «Мария Тихончук — отравительница». Потом были сразу четверо — партизаны...

Голод страшнее смерти

...Шла война, немцам дали «втык», они готовились отступать. Начались налёты нашей авиации. К сожалению, и свои сыпали бомбами без оглядки на местное население. Особенно сильный налёт был в ночь на 23 февраля 1943 года. По звуку моторов

совершеннолетнего, занесло на фронт, да ещё в чужую армию?

Причина была банально проста. Бежал я на фронт от голода. Хотя уже прекрасно знал, что такое война, и что на фронте приходится пребывать в условиях смертельной опасности. Но голод страшнее.

Сначала я обретался около кухни советской воинской части, где кормился, посильно помогая повару. Обладая не-

Дмитрий Иванович ШИРЯЕВ

Великой Победы

можно было определить, что это «кукурузники». Зенитки им были нипочём, так как летели они на предельно низкой высоте, да ещё и моторы выключали перед тем, как сбросить бомбы.

Когда пришли наши, мне запомнилось, что тут же начались аресты и правых, и виноватых. Загребли и мою матушку. Выпустили через полгода, когда я был уже на фронте. Разобрались. Оказывается, она была участницей подпольных акций по оказанию помощи партизанам.

Многokrатно мне был задан вопрос: каким образом меня, не-

которыми художественными способностями, писал номера на машинах и лозунги на танках. Начальство части меня знало и привлекало.

Но однажды прибыл крупный контингент польских военнослужащих — рядовых и сержантов (по-польски — подофицеров), было несколько и младших офицеров, в основном в звании «хорунжий».

На моих глазах началось переформирование, то есть слияние советских и польских подразделений. Рота уже стала именоваться по-польски «компанией», ротный

старшина — «шефом компании», начальник штаба — «шефом штаба», младший лейтенант — «хорунжим», старший лейтенант — «поручником».

Мне вдруг было велено букву «Ж», с которой начинался номер на наших, советских, машинах, срочно заменить на «Ż»...

Вскоре все были переодеты в польскую форму. Начался перевод службы на польский устав. Советским офицерам, большинство из которых и возглавили польское формирование, было приказано сдать партбилеты для хранения в ЦК компартии, комсомольские билеты запрягать в дальний карман. И лозунги я уже писал по шпаргалкам по-польски...

«Беллец» на войну

Когда сформированная из поляков и русских часть в апреле 1944 года эшелоном отправлялась на фронт, я спрятался на одной из платформ, в танке.

Вытянул меня уже в пути писарь первой «компании» капрал Михал Малиновский. Первым делом на печке-«буржуйке» в штабном помещении бывшего телятника он мне сварил пачку пшённого концентрата и молча смотрел, как я с жадностью эту кашу поглощал.

Командир части майор Герасченко тут же дал «добро» на моё зачисление в часть. Вначале образовалась некоторая заминка с моим обмундированием — для меня не находилось мундира.

Продолжение на 10-й стр.

Начало на 8-й стр.

НО ВЫРУЧИЛ капрал Кизюк, бывший кадровый служака ещё старой польской армии. Он отдал мне свой х/б мундир, сам же надел имевшийся у него в запасе суконный. Рукава были длинные, и кто-то, закатывая их на мне, сказал: «Нашивки капральские спори, а то ты так у нас быстро генералом станешь!»

Потом мне было велено доложить командиру роты, некогда старшему лейтенанту, но теперь уже «поручнику» Дадееву. Предварительно Кизюк продемонстрировал мне, как я должен козырять на польский манер и докладывать начальству.

Ротный вместе с «шефом компании» (старшиной) занимались какими-то бумажными делами. В памяти у меня осталось только имя старшины — Франек и то, что это был добрый человек. Старшина вручил мне записку к начпроду батальона для получения у него дополнительного пайка, причитавшегося «пану поручнику». Когда я возвратился, то «пан поручник» и «шеф компании» сидели за накрытой полотенцем табуреткой, на которой были бутылка водки, полбуханки хлеба и два стакана. Из допайка они взяли только курево и банку рыбных консервов, а сахар и печенье отдали мне. Далее «шеф» наполнил оба стакана, а ротный со словами: «А тебе, Митя, водку пить пока ещё рано!» — скомандовал мне: «Смирно!» И вместе со старшиной, стоя, единым духом опорожнили стаканы: «За твою, Митя, предстоящую службу и чтобы ты вернулся живым...»

Как мы определились с национальностями

Конечным нашим пунктом была станция Киверцы, что верстах в пятнадцати от Луцка. Там часть должна была дожидаться пополнения людьми, вооружением и техникой, после чего принять участие в боевых действиях как отдельный армейский батальон по заданиям штаба 1-й Армии Войска Польского.

Разношерстная это была публика: наряду с кадровыми сержантами и старшинами, откомандированными в Войско Польское из Красной Армии, среди которых встречались люди разных национальностей, в том числе закавказских, находились солдаты и подофицеры старой польской армии. Попадались среди них и бывшие военнослужащие технических частей вермахта — поляки из Силезии.

Записки капрала

На тот период я был определён в автороту, где моим наставником был назначен штабной шофёр по фамилии Швайцер, ездивший на миниатюрной американской машине «виллис». Много позднее, уже в мирное время, машины этого типа стали называть джипами.

Швайцер был типичный польский еврей рыжей масти. У него я должен был пройти «курс молодого бойца», в который входило получение начальных шоферских навыков и освоение азов польского языка.

Тем временем в штабе батальона проходила регистрация вновь прибывающих и выдача им солдатских книжек, подтверждающих принадлежность к нашей части.

У Швайцера и у меня также ещё не было солдатских книжек, и мы с ним стали в общую очередь. Швайцер, стоявший впереди меня, сказал, чтобы я не вздумал записываться украинцем: «Скажись русским, и тебе же будет лучше — для поляков украинец ругательное слово». Сам Швайцер на вопрос о национальности коротко бросил: «Жид». Штабной писака, недоумённо подняв брови, переспросил: «Еврей, то есть?» «В польском языке нет слова «еврей», — невозмутимо ответил мой наставник.

Я же с лёгкой руки (вернее, языка) Швайцера с тех пор стал русским.

Нашим тилном была «Рота»

Порядок службы в Войске Польском имел некоторые особенности, отличавшие его от армейских советских. День начинался и заканчивался, как и в Красной Армии, с построения и переклички. В строю находились рядовые и подофицеры. Перед строем — командир части, «шеф штаба» и замполит.

По утрам после переклички всем строем исполнялся своеобразный гимн под названием «Рота». Его пели по стойке «смирно», со снятыми фуражками-конфедератками, их на левой ладони удерживали за козырьки. Слова

гимна сводились к клятве поляков сражаться с немцами до последней капли крови.

Потом следовала команда «Вольно», начальство уходило, а его место занимал усатый старший сержант, вероятно, ещё служивший под началом Пилсудского и имевший конфронтацию с конниками Будённого... Раздавалась его команда: «Кто не молится, выйти из строя!» В строю оставались одни католики.

Дмитрий Иванович ШИРЯЕВ

Великой Победы

Этот же ритуал повторялся перед отбоем, только вечерняя молитва отличалась от утренней. В утренней молитве пелось, что уже с рассветом «всё живое хвалит Господа», а в вечерней поющие просили Господа «милостиво принять все их дневные деяния».

Мелодии «Роты» и молитв были довольно минорного стиля, слова же их я запомнил на всю жизнь.

Каждый польский пехотный полк имел капеллана. Но был, как упоминалось выше, и замполит. Ни о каких комсомольских собраниях, и тем более партийных, не могло быть и речи. Имелся, ра-

зумеется, и особист — по-польски он назывался «офицером информации».

Перед отправкой части на фронт я получил должность связного при батальонном штабе. Способствовало этому то, что Швайцер неплохо обучил меня управляться с его «виллисом». Я же, стараясь отблагодарить его за доброе отношение ко мне, буквально вылизывал машину. Мои старания не остались без внимания начальства. Было замечено и моё на удивление быстрое освоение польского языка. Числился я в первой «компании». В наряды ходил наравне со всеми.

Какими были «небоевые» потери

Незадолго до взятия Люблина в батальоне сменилось начальство. Комбат Геращенко и его помощник по техчасти капитан Глотов по приговору военно-полевого суда были разжалованы и осуждены на десять лет каждый с заменой этого срока ввиду военного времени тремя месяцами штрафбата.

За что? Да за пустяк! Вторая «компания» во многом состояла из лиц полууголовного типа. Так вот, одного из них капитан Глотов избил, и, надо сказать, избил за дело. Тот же, в нарушение устава, через голову своего начальства, подал рапорт в штаб армии. Присланная комиссия, конечно же, смогла найти повод для передачи дела в трибунал, чтобы другим неповадно было.

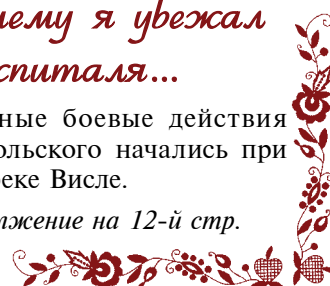
Были присланы новый комбат — капитан Франек Юргенс и «шеф штаба» капитан Игорь Никаноров. Юргенс одинаково хорошо владел как русским, так и польским. Никаноров — москвич, воевал под Сталинградом, по-польски не говорил.

Такие моменты, как отправка боевых, заслуженных командиров в штрафбат, тем более за обуздание уголовника, до сих пор вспоминаются с болью. Это отнюдь не единственный случай. Были и похлеще...

Почему я убежал из госпиталя...

Серьёзные боевые действия Войска Польского начались при выходе к реке Висле.

Продолжение на 12-й стр.

Начало на 8-й стр.

НА УЧАСТКЕ Вислы между городками Пулавы и Демблин польское командование решило попытаться самостоятельно с ходу форсировать Вислу. Но эта затея закончилась провалом с серьёзными потерями.

Насколько эти потери были велики, можно было судить по переполненным госпиталям. В один из них, что был неподалёку от Варшавы, меня с пустяковой царапиной привёз начальник штаба. Сам же он отправился в штаб армии, а мне велел дожидаться его в госпитале. С самого начала я был поражён громадной кучей окровавленных бинтов, которые отстирывали и развешивали во дворе госпиталя медсёстры. Кровати с ранеными стояли даже на лестничных клетках.

Особенно на меня подействовал вид двоих тяжелораненых — поляка и русского, лежавших рядом и громко бредивших в беспамятстве, каждый на своём языке. Один призывал облегчить его страдания Божью Матерь, другой матерился. Обоим было нестерпимо больно.

От сознания несоизмеримости тяжести их ран с моей царапиной я постеснялся дожидаться врача и убежал из госпиталя...

На помощь восстанию в Варшаве

Звание капрала мне было присвоено, видимо, благодаря умению обращаться с трофейным оружием, включая различного рода ручные гранаты и мины.

Эти навыки мною были приобретены за двухлетний период пребывания в оккупации. Во многом благодаря им мне удалось первым в части освоить немецкий фаустпатрон, а ряд образцов немецкого вооружения был неплохо знаком ещё с мальчишеских времён.

Мне поручили проводить инструктаж по обращению с трофейными немецкими пулемётами и различными

Записки капрала

ми ручными гранатами. Это было нужное дело. У нас уже имелось два случая гибели по причине неумения пользоваться ручными гранатами. У помощника командования моей «компании» Томчака в руках разорвалась противотанковая РПГ-41. В Киеве у него остались жена и двое детей...

Другой парень вставил не тот запал в немецкую М-39, именовавшуюся «яйцом» — результат тот же...

В начале сентября 1944 года я был направлен в Прагу. Нет, речь идёт не о столице Чехословакии — городе Праге, а одноимённом предместье столицы Польши — Варшавы на правом берегу Вислы.

В Варшаве полным ходом шло восстание, и Прага подвергалась систематическим артиллерийским и миномётным обстрелам. Я должен был направлять наши машины по наименее опасному маршруту проезда к передовой. Моя «работа» начиналась в 23 часа, а пребывал я в отряде полевой жандармерии. С их командиром об этом лично договорился мой комбат Юргенс. Прощаясь со мной, он сказал: «Постарайся, Митя, справиться, и, наверное, ты будешь самым молодым подполковником в 1-й Армии Войска Польского».

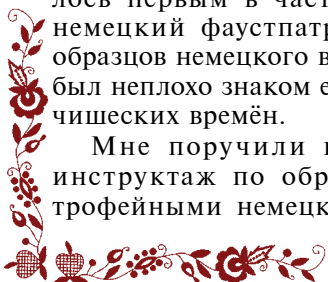
Обычным заданием жандармерии был контроль за прифронтной полосой, с тем, чтобы не

допускать несанкционированного перемещения ни туда, ни (в основном) оттуда. Своего рода «заградотряд». Жандармы за желто-красные отличительные цвета нашивок и фуражек именовались «канарейками» и симпатиями со стороны фронтовиков отнюдь не пользовались...

Наш участок находился в окопах и блиндажах на правом берегу Вислы, напротив южной части района Варшавы Чернякува. Отоспавшись в блиндаже днём, я по ночам помогал наблюдателям высматривать ситуацию на противоположном берегу.

Но и наша сторона не оставалась без внимания противоположной — нужно было остерегаться, чтобы не выдать себя, иначе можно было в своём направлении получить пулемётную очередь или парочку мин.

С середины сентября 1944 года в Чернякуве жестокий бой вёл высадившийся там десант польской пехоты. Переправу сил и средств их поддержки обеспечивала советская сапёрная часть понтонами и амфибиями. Амфибия забирала только четырёх человек, в понтон же входило много народа. Немцы изо всех сил старались этому воспрепятствовать интенсивным миномётным обстрелом реки и мест, где проводилась посадка на понтоны и выгрузка с них.

*Нежданно-негаданно –
и в пекло!*

Моя служба в Праге закончилась быстро и самым неожиданным образом.

Как-то в предрассветной мгле с интересом смотрел я за процессом загрузки очередного понтона пехотой и боеприпасами. Отчаливавший понтон немного при-

минут понтон ткнулся в противоположный берег. Он мигом опустел, и тут же к нему бросилась толпа цивильно одетых людей, часть из которых была перебинтована грязными бинтами, некоторых несли на носилках. Кое-кто был при оружии.

Двое в пиджаках и немецких касках пытались эту толпу урезонить увещеваниями, что понтон только для раненых и первыми должны быть погружены лежа-

Дмитрий Иванович ШИРЯЕВ

Великой Победы

тормозил, поджидая бегущего к нему солдата с ящиком патронов. В этот момент в десятке метров от него разорвалась мина. Солдат упал...

Я схватил ящик с патронами и подбежал с ним к понтону. Вес ящика был выше моих сил. И под его тяжестью я перегнулся через борт. Кто-то схватил меня за штаны и втянул на понтон. Выскакивать было поздно. Я не особо переживал, рассчитывая отправиться назад, в свою часть, на этом понтоне обратным рейсом.

На удивление, на всём нашем пути под прикрытием дымовой завесы на реке не было ни одного разрыва, и примерно через десять

минут на носилках. На рукавах у них были бело-красные повязки с большими чёрными буквами «АК». Кое-какой порядок им удалось навести после того, как, выхватив пистолеты и раздавая зуботычины направо и налево, они успокоили наиболее ретивых паникёров...

*«Сынок,
береги патроны!»*

До этого я только со слов батальонного замполита знал, что АК — Армия Крайова — это «заплёванный карлик реакции», как он говорил, по «указке лондонского польского эмиграционного

правительства поднявший восстание в Варшаве с целью овладеть городом и не допустить туда советские войска»...

Понятно, бред. Эти люди подняли восстание, реально сражаясь с фашистами, приняли в абсолютном меньшинстве неравный бой и надеялись на помощь...

Но в тот момент мне было совершенно не до политических заморочек, особенно при виде лежавших вокруг трупов — как повстанцев, так и солдат из числа недавно здесь высадившихся.

Я понял, что в этой сутолоке для меня на понтоне, идущем обратно, места нет, и направился к высадившейся группе.

Там уже оба «аковца», наверняка не из рядовых, о чём-то договаривались с офицером из понтона. Не успел я к ним подойти, как офицер мне крикнул: «Капрал, берите отделение и пробивайтесь на Загурную!»

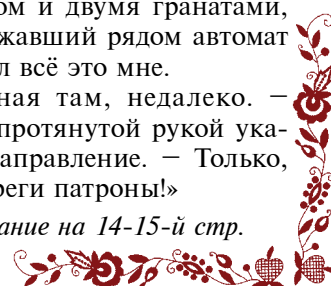
Я оторопел, ведь был не из их команды, да и понятия не имел, где эта Загурная, к тому же был невооружен — мой пистолет не мог в данной обстановке считаться оружием. Но перечить не посмел.

Мои сомнения, очевидно, понял «аковец», с виду вдвое старше меня. Оглянувшись по сторонам, он остановил свой взор на лежавшем неподалёку убитом и, жестом подзывая меня, подбежал к труп, снял с его пояса подсумки с запасным диском и двумя гранатами, поднял лежавший рядом автомат и протянул всё это мне.

«Загурная там, недалеко. — «Аковец» протянутой рукой указал мне направление. — Только, сынок, береги патроны!»

Окончание на 14-15-й стр.

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Красноярск, 2017, № 2 (54)

Начало на 8-й стр.

«Хлопцы»,
да не наши!

Определённое мне отделение состояло из шести человек, вооружённых автоматами ППШ. По их физиономиям и бегающим глазам я предполагал, что они отнюдь не относятся к числу поднаторевших в боях. Оставшиеся разделились на две группы и решили пробиваться к основным силам разными путями.

Стрельба раздавалась со всех сторон, из чего следовало, что куда ни пойдёшь — можно встретить и своих и нарваться на чужих. В указанном мне направлении, метрах в двухстах, я заметил несколько небольших строений, куда и решил добираться. Всю шестёрку послал вперёд, велел им двигаться гуськом, с интервалом. Пропустив их, взвёл затвор автомата и последовал за ними.

Наши несчастья начались сразу же. На подходе к намеченной цели мне послышались голоса, прислушавшись, я различил украинскую речь. С криком «Хлопцы, наши!» бросился вперёд и тут же заметил, что выходящие навстречу мне фигуры — в немецких мундирах.

Мгновенно я бросился на землю, за какую-то кучу хлама, и выпустил прямо перед собой неприцельную очередь. С той стороны раздалось: «Ляхи! Бей!»

Я был
прижат к

земле ответным автоматным огнём.

Но мои хлопцы оказались не такими беспомощными, как показалось мне на первый взгляд. Без заминки они открыли огонь и прикрыли мой отход.

Позднее я узнал, что здесь, на немецкой стороне, воевал украинский полк, которым командовал предатель Каминский — бывший советский офицер, и мы нарвались на отряд из этого полка...

В соседнем доме также из всех сил отбивались. Нам было хорошо видно, что немцы пытались подобраться под стену дома в непростреливаемую зону и через проломы ворваться в дом. Но их с верхних этажей забрасывали ручными гранатами.

В общем, на Загурную я так и не попал. Бои в Чернякуве окончились тяжёлым поражением и повстанцев, и десанта Войска Польского...

Записки капрала

Вернувшийся
с того света

Но наши мытарства ещё только начинались. На пути к Загурной мы попали в дом, оборонявшийся взводом АК. Они встретили нас радушно и даже подсказали, в каком направлении нам лучше пробираться к цели. Но продолжить свой путь мы смогли лишь под утро, так как немцы предприняли интенсивные попытки выбить нас из этого дома. Мы вели бой. Среди атакующих были замечены даже два огнеметчика.

Чудом я вернулся на правый берег. Тут же попал в руки особистов, поначалу обвинивших меня в дезертирстве. Оправданием было то, что я вернулся с оружием и при мне была солдатская книжка с номером воинской части, которая в Чернякув не переправлялась.

Обратив внимание, что в диске моего автомата осталось только несколько патронов, а запасной вообще пуст, особисты, как мне показалось, даже зауважали меня: «А ты, капрал, немножко повоевал!»

Когда я в собственной части предстал перед майором Юргенсом, тот посмотрел на меня, как на вернувшегося с того света.

Оказывается, разыскивая меня, он нашёл командира отряда полевой жандармерии, и тот рассказал ему, что его подчинённые видели, как я отбывал на тот берег, а отбывших туда назад уже не ждали...

Ретроспектива

...Находясь в Польше в составе делегации ветеранов Войска Польского, я встречался с участниками боев и посетил места, оставившие в моей памяти глубокий след. Оказалось, что Загурная была совсем недалеко от места нашей высадки...

Наружная стена местного костёла была увешана памятными

табличками с именами погибших здесь. Но напрасно среди них я пытался найти имена солдат 1-й Армии. На мой недоуменный вопрос костельный викарый ответил: «Вашим там, на берегу, положена памятная плита».

А мне бы хотелось здесь увидеть табличку в память о советском старшем лейтенанте Владимире Коненкове, погибшем в форме польского поручника...

берными пулемётами ДШК и их obsługой в кузовах. «Шеф штаба» капитан Никаноров, чтобы разобратсья в обстановке, велел мне подвезти его туда же на «виллисе».

Но помощь подошла, когда немцы уже развернулись для атаки. Пулемёты выгрузить не успели, расчёт переднего «студебекера» попытался вести огонь на ходу, но в кузов попали две мины. Пулемётчики были убиты. Из кабины вывалился обливающийся кровью

Дмитрий Иванович ШИРЯЕВ

Великой Победы

*Как мы спасли
свой «Студебекер»*

За Варшавой последовали города Хохензальц [Иновроцлав], Бромберг [Быдгощ], затем Флатов [Злотув]. Чёткой линии фронта не было — на, казалось бы, отвоёванной территории бродили различные немецкие группировки, пытающиеся прорваться из окружения.

Такая группировка вышла на одну из рот нашего батальона на западной окраине Флатова. Для помощи нашим были направлены два «студебекера» с крупнокали-

шофёр, мотор продолжал работать на малых оборотах.

Обстановка приняла угрожающий характер, и нам пришлось срочно ретироваться. «Студебекер» с пулемётом и убитыми пулемётчиками остался...

Потеря бойцов весьма огорчила нашего комбата. Также огорчила потеря машины с крупнокалиберным пулемётом, которая очень была нужна.

В тот момент разведчики, непрерывно наблюдавшие за оставленной позицией, доложили, что немцы к машине не подходят, и небольшая их часть собирается обосноваться в домишке неподалёку от «студера».

Подкрасться к машине ночью, быстро завести мотор и ударить вызвались двое прошедших огонь и воду смельчаков. Для их прикрытия напросился я.

Я должен был, лёжа в придорожной канаве, при первом же звуке автомобильного стартера автоматными очередями по домику заглушить звук мотора и не дать немцам выскочить из домика.

К месту на тихом ходу нас доставил бронетранспортёр. Это была канадская машина с крупнокалиберным пулемётом «браунинг». Она была оставлена за деревьями, на опушке небольшой рошицы, мы же втроём под покровом ночи вышли к цели.

Все получилось как по нотам, спасённый «студер» на полном

ходу прогрохотал мимо меня, и мне бы в самую пору вдоль канавы добраться до опушки, но выскочившие из домика немцы затеяли беспорядочную стрельбу вслед удалявшейся машине.

Моей ошибкой было то, что я дал в их сторону пару очередей и этим выдал своё положение. Я стал удирать вдоль канавы в направлении опушки, немцы пытались отрезать мне путь к отступлению, но темнота давала мне немало шансов на успех.

Моё положение ухудшилось после того, как сверху на парашюте зависла осветительная ракета. Но тут же из своего укрытия с зажжёнными фарами на дорогу выкатил бронетранспортёр, длинная очередь трассирующими пулями его «браунинга» прижала моих преследователей к земле. Воспользовавшись этим, я выполз из канавы и улёгся вдоль дороги, вытянув вперёд руки. Транспортёр, продолжая стрелять, наехал на мою «дорожку», и я через нижний люк был втянут внутрь.

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Краснодар, 2017, № 2 (54)

В течение нескольких лет он исполнял на нашем трансатлантическом лайнере обязанности штурманского практиканта со звонким титулом ШЕСТОГО ОФИЦЕРА. На доске красного дерева верхнего ящика своей койки он, как на саркофаге, собирался вырезать надпись: «ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ЗАБЫТЫЙ ДИРЕКЦИЕЙ ШТУРМАНСКИЙ ПРАКТИКАНТ».

Штурманский практикант с точки зрения прав и обязанностей штурманского офицера торгового флота был гермафродитом. Он был офицером, но без права ношения офицерской формы, был «командой», но без права рассчитывать на оплачиваемые сверхурочные.

Наш штурманский практикант наводил ужас на офицеров-механиков, задавая им в кают-компании сложнейшие вопросы по математике, физике, механике и даже по машиноведению, на которые многие из них не могли ответить. Поэтому его опасались и встреч с ним на территории кают-компании избегали. С его стороны это была месть за непрерывный страх перед капитаном.

Он с удовольствием цитировал латинские поговорки и безопасно, на приличном расстоянии, обольщал пассажиров. А они неизвестным нам образом из рейса в рейс передавали друг другу прозвище ПАЖ, которым сами же его и наградили. Ему очень нравилось щеголять цитированием по памяти обширных отрывков из «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича. Самым любимым его отрывком был рассказ Графа о подвигах под Бирбанте-рокка. На лайнере это самое Бирбанте-рокка прилипло к нему вместе с прозвищем «Граф», которым он очень гордился. Всё, что по службе его не касалось, Граф определял фразой: «Свет затмили предрассудки!»

Самые известные Бирбанте-рокка Графа были связаны с погрузочно-разгрузочными операциями.

Приёмка груза на судно, а особенно его учёт, истари составляли своего рода искусство. Тот, кому не пришлось исписать десятки грузовых книг, тот, кто

ЗНАЧИТ

днями и ночами в течение недель, месяцев и лет не считал мешки, ящики, бочки, и кто не обладал способностью определять — специально для этих целей выработанным чувством — возможные и мнимые повреждения груза, тот долго ещё относился к тем грузовым офицерам, которые «не знают, чего не знают». Не обойтись было и без основательных навыков по правилам погрузки, креплению и обеспечению сохранности груза.

При сравнении результатов, полученных офицером, с данными, представленными тальманом, нередко возникала драма. Если офицер насчитал груза меньше, чем заявлял грузоотправитель, судно требовало гарантийное письмо с обязательством дослать возможную недостачу.

Подсчёт требовал предельной концентрации внимания. В строго определённый момент следовало оценить состояние груза и в строго определённый момент записать погружаемую на судно партию. Обычно таким моментом считалось прохождение груза над бортом судна. Если тальман намеревался «недодать» какое-то количество груза, то сразу после записи офицером входящей на судно партии, он отвлекал внимание офицера, и тут же пытался внушить ему по-

вторную запись этой же партии, ещё видимой над палубой. Если офицер давал себя провести, то сам потом свидетельствовал в пользу грузоотправителя и понятия не имел, каким образом могла возникнуть «недостача» в количестве принятого груза.

Страх перед «недостачей» превращался у некоторых офицеров в болезнь. После раскрытия этой тайны тальманам стало легче отвлекать внимание перепуганного офицера.

От всех наших рассуждений о нечестности тальманов Граф отмахивался излюбленной фразой: «Свет затмили предрассудки!»

Так что, если он, к примеру, считал апельсины в Хайфе, следовало заботливо ставить его в паре с таким тальманом, которого мы знали и в котором были уверены, что Графа он «не надуёт».

Однажды у Графа при разгрузке не хватило двенадцати ящиков апельсинов. Нам пришлось для покрытия недостачи занять апельсины в провизионке, а потом «надуть» этого самого тальмана на такое же количество ящиков при очередной погрузке.

Граф, приведённый в бешенство этим Бирбанте-рокка, решил сам отомстить грузоотправителю, в адрес которого от фирмы «Абульгибен» мы доставляли из Констанцы дощечки для изготовления ящиков под апельсины. Эти дощечки, после разгрузки из вагонов и в ожидании погрузки на судно укладывались на набережной огромными ворохами. В течение всей погрузки лицо Графа носило ожесточённое выражение и только к её окончанию сменилось таинственной улыбкой.

В Хайфе вылезло наружу Бирбанте-рокка. Граф «надул» отправителя — фирму «Абульгибен» — на два вагона дощечек, не отмеченных в грузовых документах. Разгружать их пришлось вместе с остальными. А получателю, в данном случае — тому самому отправителю, который «надул» Графа на двенадцать ящиков апельсинов, не пришлось платить фрахт за два

Граф
(иллюстрация к «Пану Тадеушу»)

* Продолжение. Начало см. в №№ 32-33 (2011), 49-52 (2016) и 53 (2017).

КАПИТАН

Порт Хайфа

вагона дощечек. Другими словами, Граф помог своему обидчику обжужить судно ещё раз.

Более весёлые Бирбанте-рокка случались с Графом, когда судно стояло на якоре, или на якоре и швартовах, а сообщение с берегом поддерживалось судовыми моторными шлюпками. В случаях, когда не было пассажиров, первый офицер иногда назначал Графа старшиной такой шлюпки. На борту шлюпки, направлявшейся к берегу, находилась только команда. Граф командовал практикантом-механиком, обслуживающим двигатель, и двумя младшими матросами, вооружёнными шестами с оковками в виде крючьев. Эти шесты именовались отпорными крюками, а матросы — крючковыми. Один из матросов находился в носу, а другой — на корме.

При подходе к берегу, на котором было полно зрителей, практикант-механик сам регулировал скорость хода, не обращая внимания на команды Графа, у которого теория чаще всего расходилась с практикой, а матросы цеплялись крюками за что попало, лишь бы не вызвать смеха людей, собравшихся на берегу. При отходе от берега Граф выговаривал команде отсутствие субординации, обещая всем им заботливую память в будущем, когда он станет капитаном. Кроме того, уже сейчас при подходе к судну он требовал абсолютного повиновения.

Как только шлюпка под командованием Графа была замечена с судна, повсюду можно было слышать клич:

— Бирбанте-рокка! Бирбанте-рокка!

Все свободные от вахты спешили на палубу, чтобы понаблюдать за манёврами моторной шлюпки.

Первый подход к судну обычно заканчивался тем, что шлюпка на бешеной скорости пронеслась мимо трапа и останавливалась у якорной цепи. Граф повторял манёвр и на циркуляции подходил к судну со стороны кормы так, чтобы и нос шлюпки, и нос судна были направлены в одну и ту же сторону. Минувя корму судна, он командовал: «Стоп!», и шлюпка теряла ход, не доходя до трапа. «Полный вперёд!» — кричал раздосадованный Граф механику, и шлюпка с места устремлялась в карьер. Кричал, стало быть: «Стоп!» — и снова оказывался у якорной цепи. Тогда он вновь начинал циркуляцию, но на этот раз осторожнее. Поскольку весь он был поглощён мыслью вовремя дать команду «Стоп!», то совершенно забывал об управлении, и шлюпка оказывалась под кормой судна. Матросы, в соответствии с поучениями Графа, ждали от него команды и только получив её, начинали отталкивать нос шлюпки от кормы судна. Шлюпка при этом обращалась кормой к далёкому трапу. Иногда Граф умудрялся выходить далеко в море, а иногда подходил к тому борту, где трапа

не было. В этом случае Графу приходилось делать огромную циркуляцию и дефилировать вдоль бортов судна перед всей командой, буквально повисавшей на леерах от немого восхищения.

Наибольшие эмоции доставляли те подходы Графа, когда в шлюпке находился капитан.

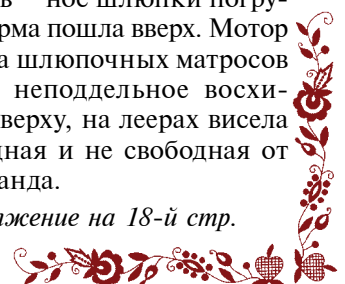
Капитан никогда не делал Графу замечаний по поводу неверного управления или несоответствия момента для подачи той или иной команды. Он молча признавал в Графе командира плавающей единицы и не проявлял своих чувств и мыслей даже выражением лица. Лишь на мостике, когда они оставались одни, долго и безрезультатно поучал он Графа, как следует маневрировать.

Особенно удачные Бирбанте-рокка случались, когда Граф, не умея подобрать соответствующих команд матросам и беспокоясь о целостности шлюпки, срывался со своего места, зажав в кулаке как палицу снятый румпель, бросался со странным гортанным криком на нос, чтобы собственной грудью защитить шлюпку от удара о трап или борт. Капитан воспринимал эти действия даже с некоторым интересом. Считал, по-видимому, что нечто подобное он мог бы увидеть разве что на цирковой арене, сцене или экране. Мы не сомневались, что капитан наблюдал за Графом, как за чем-то не совсем обычным.

Однажды в Хайфе один из швартовов — стальной трос с кормы — провис до самой воды. И надо же было случиться, что Граф на моторной шлюпке с двумя младшими матросами и практикантом-механиком возвращался на судно! Подходили к нему так долго и замысловато, что, в конце концов, сели на этот самый свисающий стальной трос.

При команде «Полный вперёд!» шлюпка задирала нос высоко над водой, мотор ревел, а матросы в ожидании команды с восхищением смотрели на Графа. «Полный назад!» — кричал Граф. Ситуация изменилась — нос шлюпки погрузился, а корма пошла вверх. Мотор гудел, лица шлюпочных матросов выражали неподдельное восхищение. Наверху, на леерах висела вся свободная и не свободная от вахты команда.

Продолжение на 18-й стр.

Капитан Станкевич на мостике

Начало на 16-й стр.

-БИРБАНТЕ-РОККА! Бирбанте-рокка! — смотрящие рыдали от смеха, бессильно повиснув на леерах.

Когда стало ясно, что «манёвры машинами» не дают ожидаемого результата, Граф приказал обоим матросам подсказывать. Сначала оба прыгали в носу, спрашивая время от времени — скакать выше или ниже? Потом оба подпрыгивали на корме. Затем один прыгал на носу, а другой — на корме. Подсказывали с поднятыми кверху лицами, чтобы видеть висящую на леерах команду. Даже старший офицер — со сравнительно слабо проявлявшимся в таких ситуациях чувством юмора — наблюдал за подскоками, не встречавшимися нигде в мире, ни на одном флоте и сквозь слёзы восхищался Бирбанте-рокка. Развлечение, вероятно, продолжалось бы значительно дольше, но его испортил капитан, приславший рулевого с приказанием подать шлюпку к трапу для съезда на берег.

Старший офицер тут же распорядился ослабить стальной швартов, а шлюпку приказал подойти к трапу, после чего шестого офицера заменил «пятым», чем и прервал зрелище, обещавшее стать таким интересным.

Большинство неудач, преследовавших Графа, объяснялось его паническим страхом перед любым вопросом или приказанием капитана. Как только капитан обращался к Графу, тот

ЗНАЧИТ

вытягивался по стойке «смирно» как рекрут, забывший, где у него левая нога, а где — правая. Так и стоял он навтыжку в своей воспитательной морской фуражке, шитой на заказ в родном городке на юге Польши. Самая замечательная её деталь — козырёк. Был он столь огромен, что фуражка напоминала скорее лучший образец уланского кивера. Из-под уланского козырька глаза Графа следили за капитанской челюстью.

Страх парализовал способность Графа к логическому мышлению. О том, что капитан всё ещё говорит или уже всё сказал, Граф только догадывался. Когда Граф улавливал, что капитан уже молчит, глаза его выходили из орбит, а горло издавало ломающимся криком резаного петуха:

— Есть, пан капитан!

Граф прикладывал пальцы к замечательному козырьку и одновременно щёлкала каблуками. В этот момент он выглядел как адъютант Наполеона, которому предстояло пробиться с приказом сквозь неприятельский артиллерийский огонь к засыпаемому картечью полку. После этого Граф «стреноживал коня», то есть левую ногу ставил перед ещё неподвижной, застывшей то ли по стойке «смирно», то ли с перепугу, правой. Таким образом, левая нога становилась препятствием для правой. И, когда Граф пытался сдвинуть ещё и правую ногу, то на самом излёте слов «пан капитан» растягивался во весь свой рост на палубе.

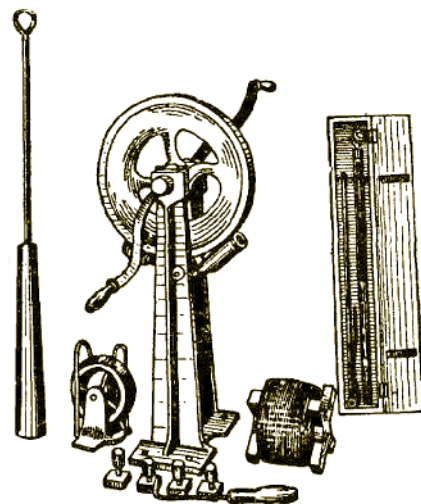
Капитан, которому это зрелище было уже не в диковинку, отходил от лежащего на палубе «адъютанта» и делал вид, что не заметил результата схлёстывания графских ног. Если в этот момент на мостике присутствовал ещё кто-нибудь из офицеров, Граф «отскакивал» в безопасное место, где капитан его не мог заметить, и оттуда страдальческими жестами старался заманить к себе этого свидетеля. Как только тот приближался, Граф перепуганным голосом спрашивал:

— Что капитан приказал мне?

Эти извечно неудачные концовки разговоров с капитаном обязаны были, наконец, получить своё собственное наименование. В кают-компани о них стали упоминать при помощи краткого предложения: «Граф сделал ПИФ!»

Заступив на вахту, Граф в течение всех четырёх часов дрожал от мысли, что в любой момент может появиться капитан и спросить о таких страшных вещах как: осадка судна носом или кормой, сила и направление ветра, тенденция к изменению атмосферного давления, температура воздуха и воды, течения, описанные лощей этого района плавания, характеристики огней и внешний вид маяков, которые могут открыться во время вахты, поправка на снос от ветра, полная поправка компаса, глубина моря в этом месте и так далее. От всего этого в голове у Графа происходило помрачение. Он до одури повторял про себя по очереди все возможные данные. Если капитан появлялся на мостике и спрашивал, к примеру, о курсе, то получал неожиданный ответ, что курс три проблеска в минуту или что имеет тенденцию к повышению. Ответ зависел от того, что именно в этот момент Граф повторял.

Система эта, однако, вскоре была Графом забракована, поскольку приводила к ещё большим недоразумениям, чем обычный ПИФ. Новая система основывалась на том, что, услышав вопрос,

Механический лот

КАПИТАН

Граф становился навтыжку в позе адъютанта, пел «Есть, пан капитан!» и бежал куда глаза глядят и ноги несут. Обычно перед этим самым бегством он растягивался он у капитанских ног.

Вопросы эти, однако, представлялись пустячками в сравнении с поручением замерить механическим лотом глубину и взять с морского дна пробу грунта. Капитан предварительно инструктировал вахтенного офицера, и лишь через него распоряжение доводилось до сознания Графа.

Взятие пробы грунта с помощью механического лота выглядело следующим образом. На тонком стальном тросе опускалось грузило с закреплённым на нём медным пеналом. В пенал, в свою очередь, вставлялась открытая снизу стеклянная трубка. По мере увеличения глубины эта трубка под всё увеличивающимся давлением частично заполнялась морской водой, которая обесцвечивала находящийся там красный хромид серебра. На подошве лота имелось углубление, в которое вставлялся кусочек сала. В момент удара лота о дно к нему прилипала проба грунта. В некоторых районах характеристика грунта позволяла приблизительно определять место. Этим способом пользовались ещё древние финикийцы, когда, направляясь в Египет, таким образом находили они дельту Нила. Современные устройства, служащие для этих целей, были посложнее финикийских. Трос, сматывающийся с барабана, проходил через шкив, закреплённый на планшире. Определить, достиг ли лот дна, можно было по уменьшению натяжения троса между барабаном и шкивом, которое контролировалось с помощью проволочного крючка. При появлении слабину в момент касания лотом дна следовало плавно, чтобы не порвать трос, прекратить его разматывание. Затем с помощью электродвигателя трос вновь наматывался на барабан. При этом нельзя было допустить, чтобы лот, выходя из воды, раскачался и ударил о борт. От такого удара трубка

разбивалась. Не допускалось и волочение лота по грунту, что приводило к размывости границы обесцвечивания трубки.

Во время шторма вся корма заливалась водой, лот оказывался под электрическим напряжением и «кусался» током. Прикосновение к тросу лота, находящегося под напряжением, вызывало непроизвольное одёргивание рук, и трос с грузилом и трубкой соскальзывал за борт. В таком случае следовало отключить электроэнергию, затормозить трос и начать наматывать его вручную с помощью двух рукояток, которые приводились в движение двумя людьми. Офицеру, как правило, помогал рулевой и один из вахтенных матросов.

Достать со дна моря правильно обесцвеченную трубку и принести её на мостик с пробой грунта было для Графа настоящим Бирбанте-рокка. Обычно на мостик приносил он лишь траурное сообщение, что лот вместе с трубкой и несколькими сотнями сажень троса погребён на дне морском.

Вслед за объявлением капитану этой грустной новости звучал уже хорошо известный Графу вопрос:

— Значит, когда вы научитесь пользоваться лотом?

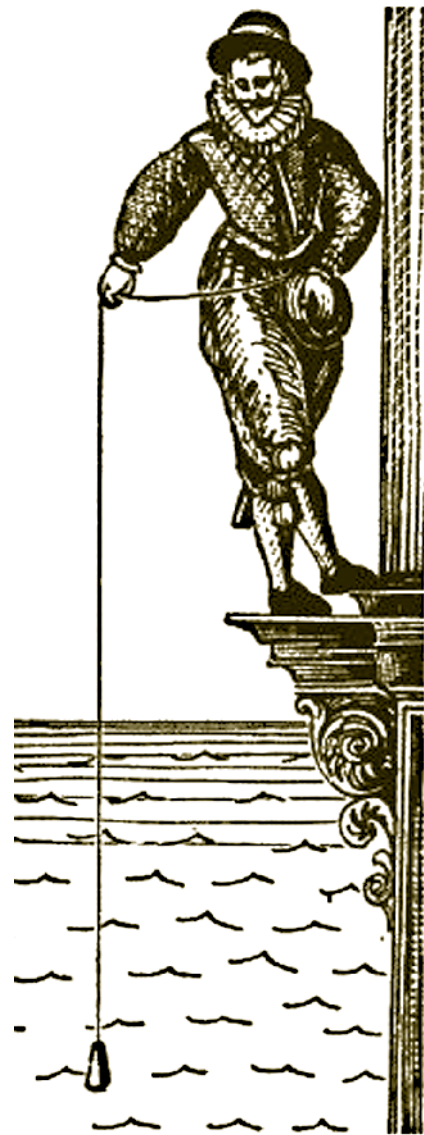
Обезумевший от страха Граф уже в течение нескольких лет подряд давал один и тот же ответ:

— Есть, пан капитан!

Последующие вопросы и инструкции капитана уже не воспринимались сознанием Графа. Он стремился лишь к одному: стать недосыгаемым для капитанского взгляда и голоса.

Подобные сценки разыгрывались зачастую близ Большой Ньюфаундлендской банки, это когда мы бороздили ещё Северную Атлантику.

Иногда Граф победно добывал желанную трубку. Он с триумфом приносил её на мостик и вручал капитану. Механики, правда, утверждали, что Граф под подушкой хранил целую коллекцию таких трубок, доставшихся ему в наследство от коллег. Каждая из них была снабжена биркой с указанием, на какой глубине и в

Ручной лот

каком районе была получена эта проба. Механики твердили, что Граф перед измерением глубины забегал к себе в каюту, брал соответствующую трубку, смачивал её водой и таким образом освежённую приносил на мостик. Выходило, что именно благодаря этой коллекции трубок под подушкой Граф, наконец, мог спать спокойно.

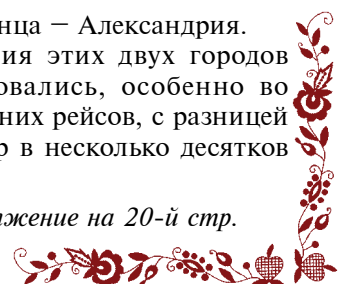
Это рассказывали механики, которые никогда не могли ответить в кают-компании на вопросы Графа по математике, физике и механике.

* * *

Констанца — Александрия.

Названия этих двух городов ассоциировались, особенно во время зимних рейсов, с разницей температур в несколько десятков градусов.

Продолжение на 20-й стр.

В ОДНУ из зим замёрз Дунай. Температура в Констанце упала до минус двадцати градусов, а в Александрии она держалась на уровне плюс двадцати. Наша Гранд-Люкс-Торпеда дистанцию Констанца — Александрия покрывала за несколько дней. Результат был таким, что судовой доктор уложил в койки пятерых загрипповавших штурманских офицеров — начиная с первого и кончая пятым. Болезнь обошла только капитана и шестого офицера — Графа. Им вдвоём и пришлось заменить пятерых судоводителей.

Лёжа в койках, мы гадали, кто кого положит первым: капитан «шестого» или «шестой» капитана? С нетерпением ждали мы сообщений о Бирбанте-рокка.

Ситуацию спасало то, что вахту на мостике капитан и Граф несли, сменяя друг друга. И только в моменты их встреч можно было ожидать чего-то необычного.

На этой трассе после стольких рейсов у нас не могло быть неожиданностей. Рулевые на память знали все изменения курса. Даже все суда, которые мы могли встретить на этом пути, были нам знакомы. Выход из Дарданелл, где скапливалось большое количество судов, был уже позади.

Время от времени Граф с геройской миной на лице заглядывал в наши каюты и докладывал, что всё у него идёт прекрасно.

Капитан во время вахт Графа спал не раздеваясь, в готовности *stand by!* Граф же, будучи уверен, что капитан не появится на мостике, пока он его не разбудит и не пригласит, всю пользовался свободой и давал волю своей кавалерийской фантазии.

Первой жертвой Графа пал один из наших старинных знакомцев — грузопассажирское судно итальянской компании, на дымовой трубе которого был изображён красный крылатый Лев Святого Марка. Оно поддерживало регулярное сообщение между островами. Мы встречались с ним постоянно вот уже два года подряд в одном и том же месте, спустя несколько часов после прохождения Икарии, а потом — в Пирее. Летом встреча

ЗНАЧИТ

происходила в светлое время суток, а зимой — уже после захода солнца.

Граф, командуя нашей Гранд-Люкс-Торпедой, решил дать знать этому маленькому невинному «Святому Марку», кто стоит на вахте и командует крупнейшим польским пассажирским судном.

Наступил вечер. Граф подготовил клотиковый сигнальный фонарь и с рукой на ключе поджидал появления старого знакомого. Как только судно показалось, Граф принялся миганием фонаря вызывать вахтенного офицера со «Святого Марка». Когда тот откликнулся, Граф по-английски спросил его:

— *What ship?*¹

Это было равносильно вопросу к хорошему приятелю: «Как тебя зовут?»

Удивлённый итальянец, первый офицер из-под крылатого красного льва на дымовой трубе, не сомневался, что офицер на *barca polacca* не совсем в себе, и на поставленный вопрос ответил вопросом:

— Ты с женщиной?

Граф не понял, что тот имел в виду и, не кривя душой, ответил:

— Нет!

По светящимся над тёмным силуэтом проходящего судна точкам и тире Граф прочёл ответ:

— Это заметно!

Только тогда до Графа дошло, что случилось новое замечательное Бирбанте-рокка. Поэтому он умышленно скрыл его от нас. Но рулевые не привыкли держать язык за зубами. Вскоре об этом событии судачил уже весь Пирей. Ба! Эти переговоры повторяли и комментировали во всех портах, куда бы мы ни заходили.

* * *

При подходе к Яффе на мостике стояли и капитан, и Граф. Погода была мгlistой, и накрапывал дождик.

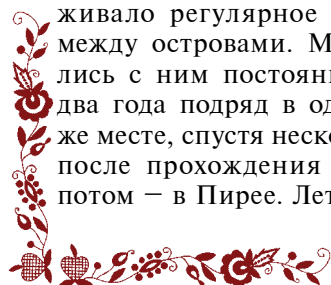
Капитан поручил Графу замерить глубину механическим лотом. Вот как об этом событии рассказал рулевой:

— Практикант крикнул: «Есть!» и растянулся на мокрой палубе. Минут через пятнадцать он вернулся и доложил, что замер затягивается, потому, что на барабан необходимо намотать новый трос. Капитан решил не ждать готовности механического лота, и дал практиканту команду перед постановкой на якорь на рейде

Венецианский Лев Святого Марка

¹ Что за судно?

КАПИТАН

Яффы замерить глубину ручным лотом. «Значит, можете ли вы постараться этот лот не утопить?» — спросил он практиканта.

Пользоваться ручным лотом не очень сложно. Просто-напросто в воду бросается грузило, прикреплённое к линю, в который через определённые промежутки вплетены разноцветные ленточки или кожаные полоски; по ним и определяется глубина.

Лот бросают со специальной платформы, предварительно раскатав его рукой. Бросать следовало как можно дальше в направлении движения судна с тем, чтобы в момент прохождения платформы над лотом он успел коснуться грунта, а линь принял вертикальное положение. Тогда значение глубины будет определено правильно.

Капитан с мостика внимательно наблюдал за действиями Графа. Но, стоило ему на момент перенести свой взгляд прямо по курсу судна, как раздался громкий крик рулевого:

— Вы что делаете?! Так и утопить недолго!

Капитан глянул вниз и увидел Графа, лежащего на ограждении платформы. Рулевой удерживал его за полы плаща. Шея Графа была обмотана лотлинем. Как это могло произойти — понять было непросто. Грузило, слишком сильно брошенное вверх, потащило Графа за борт.

Несомненно, что, если бы не своевременная бдительность рулевого, то Граф устроил бы капитану дополнительный манёвр «Человек за бортом!»

* * *

Во время подхода судна к Александрии Граф попал в западню. Он вновь оказался на мостике вместе с капитаном. Как сумасшедший бегал он по трапу на пеленгаторный мостик, где находился главный компас, и брал там пеленги на маяки и другие береговые объекты. Затем по пеленгам наносил на карту положение судна. И капитану, и Графу эта точка была хорошо известна, но капитан хотел убе-

диться в безупречности её определения Графом.

По мнению капитана, места судна, наносимые Графом на карту, никуда не годились:

— Значит, судно там никогда не было и не будет!

В момент, когда Граф манипулировал у главного компаса, капитан подошёл к трапу и спросил:

— Значит, будьте любезны! Значит, как выглядит маяк Рас-эль-Тин?

Граф приложил пальцы к своему кавалерийскому головному убору, щёлкнул каблучками и запел:

— Есть, пан капитан!

— Значит, я прошу вас сказать, как выглядит маяк Рас-эль-Тин, который вы только что несколько раз пеленговали?

Граф опять приложил пальцы к козырьку и страшным голосом заорал:

— Есть, пан капитан!

Затем он кинулся к трапу, чтобы спуститься в штурманскую рубку, прочесть в лоции описание маяка и доложить капитану. Своим глазам Граф не доверял.

Оказалось, что капитан предвидел этот манёвр Графа, так как стоя одной ногой на ступеньке, а руками держась за поручни, загоразивал ему путь.

— Значит, как это — «Есть»? Значит, я вас прошу ответить, как выглядит маяк Рас-эль-Тин, который вы только что семь раз пеленговали. Значит, как он выглядит? Значит, вы его видите? Значит, ответьте на вопрос, как выглядит маяк Рас-эль-Тин?

Граф, уже не отнимая пальцев от козырька своей восхитительной фуражки, тянулся как автомат и как автомат повторял:

— Есть, пан капитан! Есть, пан капитан!

— Значит, я не понимаю, что вы говорите. Значит, вы этот маяк видите и его пеленгуете. Значит, что именно вы пеленгуете?

— Есть, пан капитан!

— Значит, вы видите этот маяк?

— Есть, пан капитан!

— Значит, я требую, чтобы вы ответили на вопрос, как выглядит маяк Рас-эль-Тин?

— Есть, пан капитан! — слабым уже голосом мямлил Граф.

Двое штурманских офицеров, временно отпущенных доктором на швартовку в Александрии, молча наблюдали за схваткой капитана с Графом. Капитан не видел их, стоящих за надстройкой. Он отошёл от трапа на крыло мостика, освобождая тем самым Графу путь в штурманскую рубку. Капитан снял фуражку, обе руки скрестил на груди и, подняв взор к небесам, произнёс:

— Господи! Значит, ниспошли мне терпения!

ЗНАЧИТ, ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Февральский шторм свирепствовал на Чёрном море, когда, заканчивая наш двухнедельный рейс, мы вошли в воды Констанцы.

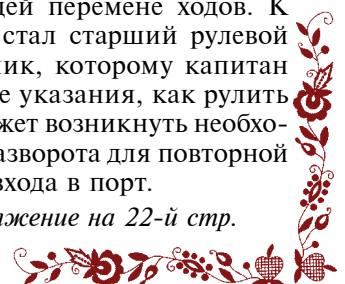
До сих пор столь длинные и высокие волны встречались нам исключительно на океанах. Восточный ветер взбурлил воду, сформировал из неё ряды волн и погнал их от побережья Кавказа на шторм берегов Румынии. Чёрные, многометровой высоты горы с дымящимися белыми плюмажами с грохотом, похожим на артиллерийские залпы, ударяли в волноломы Констанцы.

На борту у нас было несколько сот пассажиров, возвращающихся из паломничества на Святую Землю, и, как обычно, заполненные грузовые трюмы. На палубе тоже находился груз.

Мы на полмили подошли к входу в Констанцу. Капитан порта известил, что лоцман не может выйти нам на встречу. Шторм волн не ослабевал.

Капитан рассматривал в бинокль вход в порт с таким вниманием, будто сам, без лоцмана собирался ввести «Полонию» в порт. Мы не поверили собственным ушам, когда он распорядился приготовиться к обычной постановке на швартовы к набережной. «Машину» предупредили о предстоящей перемене ходов. К штурвалу стал старший рулевой Ян Доминик, которому капитан дал точные указания, как рулить и когда может возникнуть необходимость разворота для повторной попытки входа в порт.

Продолжение на 22-й стр.

Начало на 16-й стр.

СТАРШИЙ механик получил инструктаж, что по команде «Полный вперёд!» следует развивать ход до максимально возможного, другими словами «гнать во весь опор».

Весь фокус состоял в том, чтобы миновать входные головки порта в тот момент, когда там окажется впадина волны. При поддержании большой скорости представлялась возможность проскользнуть между оголовками волноломов и вершинами волн по этой впадине. Волноломы в тот момент представляли собой наибольшую опасность, ведь именно о них мы могли бы разбиться.

Пассажиры, собравшиеся на палубе, наблюдали, как мы приближаемся к месту штурма, и отдавали себе отчёт, что вот-вот мы вступим в самое страшное для каждого судна сражение.

В момент, когда «Полония» из всех сил устремилась вперёд, капитан обратился в счётно-решающее устройство. Он должен был безошибочно оценить каждую секунду меняющуюся обстановку и решить, следует ли развернуться и заново начать манёвр, или продолжать идти вперёд? Затем требовалось с точностью до долей секунды ввести судно во впадину между дымящимися горами волн. У машинного телеграфа капитан стоял сам, держа руки на его рукоятках. Время, потерянное на произнесение команд и их повторение штурманским офицером, могло отразиться на существовании судна и жизнях сотен людей. «Полония» шла в атаку на «смерть и жизнь». Впервые она попала в ситуацию, когда запас её безопасности ограничился долями секунды.

У стоящего на штурвале Доминика на лбу проступили капельки пота, хотя его пронизывал ужасный холод. Он понимал, что ему следует ввести судно во впадину между волнами, держась ближе к подветренной головке волнолома, что давало «Полонии» возможность перемещаться в пределах впадины к наветренной стороне. Если не поймать этот момент, то придётся немедленно начать разворот, помогая рулю машинами. При такой огромной волне руль может оказаться малоэффективным.

ЗНАЧИТ

«Полония» приближается к головкам волнолома. Вокруг неё начинает вздыматься огромная дымящаяся водяная гора. Капли пота на лбу Доминика собираются в заметные струи, текущие по лицу. Но манёвр протекает безупречно. Ещё несколько долгих секунд и судно на полном ходу влетает в спокойные воды портового бассейна.

Рукоятки машинного телеграфа, переведённые капитаном на «полный назад», тормозят разогнавшуюся «Люкс-Торпеду». «Полония» с точностью таких знаменитых поездов-экспрессов, как «Голубая Стрела», швартуется к набережной Констанцы. Здесь пассажиров уже ждут вагоны международных поездов дальнего следования.

После окончания манёвров к капитану один за другим подходили пассажиры с поздравлениями по случаю такого восхитительного входа в порт. С каждым новым поздравлением челюсть капитана перемещалась всё ближе к «штурму». Его неудовольствие было совершенно оправдано. Этот непростой манёвр был исполнен мастерски. Вопреки видимости — без риска. Капитан отлично владел манёвром на большой волне, а все без исключения обстоятельства

точно предусмотрел и к каждому был подготовлен. Он бы УВЕРЕН, что судно в порт введёт безопасно, не подвергая его воле случая или счастья.

— Значит, что это значит? Я не понимаю, что значит здесь слово «счастье», — вымолвил он холодно сквозь стиснутые зубы интенданту, который повторил ему мнения пассажиров о входе «Полонии» в Констанцу.

Нам, штурманским офицерам, вход в порт без опоздания, в соответствии с расписанием, давал возможность в течение нескольких дней спать каждую ночь. Штормование в море в течение неопределённого времени в ожидании смены ветра было связано с необходимостью стоять морские вахты. Кроме того, задержка прибытия привела бы к необходимости разгрузки и загрузки судна в ночное время. Поскольку это несчастье нас не коснулось, мы пребывали в приподнятом настроении. Это выразилось в возрождении вторым офицером, деом Очаковским, подзабытой уже нами игры в «угадайку».

Угадайка — это исключительно мужская игра. Никому из нас не доводилось видеть девочек или дам, в неё игравших. Кто и когда эту игру придумал,

Шторм в Констанце

КАПИТАН

«Полония» входит в Констанцу

останется, пожалуй, вечной тайной. В те годы, когда мы ходили в школу, в угадку играли с величайшим ожесточением. Игра основывалась на том, что один из нас садился на стул, второй наклонялся таким образом, чтобы положить лицо на его колени. Кроме того, он позволял закрыть свои глаза курткой или плащом, разостланным на коленях сидящего и держащего его голову. Остальные становились вокруг наклонённого и один из них открытой ладонью наносил удар в то место, где спина теряет своё благородное наименование. Ударивший не имел никакого права отойти. Жертва поднималась и с обязательной улыбкой на лице пыталась угадать того, кто его ударил. Если угадывал, то мог занять место среди бьющих, а разоблачённый занимал его место и позволял закрыть своё лицо.

О подглядывании не могло быть и речи. Однако в сплочённой компании распознать ударившего было не так уж и сложно, поскольку сила и стиль удара каждого из играющих были известны. А вот у новичка иногда могли быть большие проблемы с угадыванием, но самовольно прерывать игру он не имел права. Ему приходилось продолжать угадывание до спасительного звонка на урок, что давало возможность достойно выйти из игры, если время не было оговорено заранее.

Игру эту придумали наверняка для разминки, а также для закаливания и укрепления выносливости на случай, когда достанется от

родителей за двойку или за совсем не примерное поведение в школе.

На судне нам неоднократно приходилось убеждаться, что угадка у многих из нас, бывших мастеров этого развлечения, давала о себе знать в виде остаточного рефлекса при созерцании готового принять удар объекта.

Вскоре после швартовки я принялся за заполнение вахтенного журнала у нас в штурманской рубке, стоя за столом, на котором обычно раскладываются карты. В этом положении я представлял собой соблазнительный объект для входящего в рубку второго офицера. Он, как грузовой офицер, был больше всех рад предстоящему нам отдыху. Радость его вылилась в угадку без моего на то согласия. После удара я, как искушённый игрок, выпрямился и легкомысленно улыбнулся при виде того, как он радостно потирает ладони. За мной остался долг чести, который, как и все долги чести, должен быть возвращён в течение двадцати четырёх часов. «Второй» понятия не имел о том, что такое — хороший удар.

— Ну и выпимся же мы сегодня! — заявил он весело, как бы оправдывая своё приподнятое настроение.

— Ещё и как! — поддакнул я охотно, имея ввиду честный возврат этого долга ещё сегодня и в этом же самом месте.

Вся первая половина дня ушла на разгрузку, которая превратилась для нас в азартное развлечение. Мы считали непреложным выгрузить всё в таком

состоянии, в каком приняли на палубу. По этому случаю приём груза требовал от нас исключительной внимательности. Загружаемый на судно ящик или бочку мы осматривали со всех сторон. Нарушенный на бочке с вином обруч мог означать, что под ним было проверчено отверстие, вино вылито и заменено водой. Жёлтые следы на ящиках с яйцами свидетельствовали о том, что один из них получил сильный удар и часть его содержимого вылилась.

В квитанциях, известных как «штурманские расписки», грузовой офицер отмечал приём на палубу груза и его состояние. Эти же замечания из штурманских расписок должны были вноситься в коносаменты², которые владелец груза мог даже продать в порту назначения по стоимости груза, перевозимого судном.

Первоначально наши скрупулёзные замечания в штурманских расписках встречались с огромным сопротивлением со стороны грузоотправителей, которые усматривали в этом наши возможные злоупотребления. Мы вошли в положение грузоотправителей, когда нам стало известно, что на некоторых судах так и случалось. Если, к примеру, в Хайфе было отмечено, что ящики с апельсинами повреждены, то в Констанце апельсины выгружались не в ящиках, а в мусорных вёдрах, загружаемых вилами.

После трёх рейсов грузоотправители не имели уже никогда никаких претензий к нашим замечаниям и старались любой ценой отправлять товары нашей Люкс-Торпедой.

В Констанце мы достигли невероятных результатов в заботе о целостности груза. При разгрузке апельсинов нам удавалось так расставить матросов и офицеров с автоматическими счётчиками, даже у дверей таможенных складов, что десятки тысяч ящиков с апельсинами добирались до места назначения без повреждений. Причём все до одного! В Малой Азии говорили о «Полонии», как о судне, славившемся чудесами, неизвестными до сих пор в этих портах.

Продолжение на 24-й стр.

² Коносамент — документ, в котором судовладелец подтверждает приём товаров, погруженных на его судно, и обязуется доставить их в обозначенный порт.

Анджей Струг

Начало на 16-й стр.

ВЭТИХ трудах подошло время обеденного перебива. Я заглянул в штурманскую рубку, чтобы заточить карандаши на специальной машинке, закреплённой на переборке, отделявшей штурманскую рубку от каюты капитана. В рубке я застал второго офицера, склонившегося, как и я утром, над вахтенным журналом. Меня невероятно обрадовала возможность тут же возратить утренний долг. Я даже не стал обращать внимания на то, что двери капитанской каюты были слегка приоткрыты, и капитан мог бы услышать то, что здесь сейчас произойдёт.

В момент, когда я поднял руку, чтобы изо всей силы и с огромным в этой области опытом рассчитаться по долгу чести, второй офицер, как бы предчувствуя, что его ждёт, повернул голову.

Мы оба были изумлены до крайности.

Он — видом моей занесённой для удара руки, а я тем, что это был не второй офицер, а капитан. Капитан и второй офицер были подобного роста и комплекции.

Пока я медленно опускал руку, потрясённый капитан спросил:

— Значит, что это значит?

— Я был должен второму офицеру в угадку, пан капитан, — ответил я смущённо.

ЗНАЧИТ

— Значит, я не понимаю, о чём вы говорите?

— Вы не знаете, что такое угадка? В Морском гардемаринском корпусе, быть может, эта игра была неизвестна? Я очень извиняюсь.

— Значит, вы хотели меня ударить?

— Если бы вы не обернулись, то наверняка так бы и случилось. Но...

— Значит, сегодня мне действительно улыбнулось счастье, — оборвал меня капитан. — Вы всегда так развлекаетесь? — в голосе капитана можно было уловить нотки беспокойства.

— Нет, пан капитан, — говорил я в замешательстве и одновременно радости от того, что капитан успел в последний момент обернуться, — только сегодня и по тому поводу, что мы вошли в Констанцу.

— Значит, я не понимаю, что общего может иметь этого рода развлечение со входом в порт?

— Это от восторга, что можно будет выспаться. Всю ночь!

— Значит, я бы предпочёл, чтобы вы, однако, не выражали своей радости таким образом. Я не могу быть уверен, что и в следующий раз вовремя оглянусь.

Челюсть капитана указывала на «fair» — «ясно». Капитан собрал

свои заметки, и выходя из рубки сказал не то себе, не то мне:

— Значит, однако, сегодня счастье мне-таки улыбнулось!

КРЕСТОВЫЕ ВОЙНЫ

С палубы «Полонии», а входили мы в Хайфу, видны были стены Акры, взятой некогда Ричардом Львиное Сердце. Вид этой крепости всегда возбуждал особый интерес у пассажиров, направлявшихся в Палестину с туристическими намерениями. По их мнению, исчерпывающей и точной информацией о том всём, что они рассчитывали увидеть в Палестине, должны были владеть те, кто их сюда доставил. А прежде всего — капитан и офицеры!

После нескольких месяцев работы на линии Констанца — Стамбул — Яффа — Хайфа — Александрия — Пирей наша «Полония» вошла в моду среди пассажиров разных национальностей. Поэтому мы никогда не могли предвидеть, на каком языке, кто и о чём нас спросит. Вопросы зависели от возраста, национальности, образования и любопытства пассажиров, среди которых были и такие, как Анджей Струг³ с супругой, сионист Нахум Соколов, король Фарук со двором, Дымша⁴, доктор Воронов, известный трансплантацией обезьяньих желёз, Ханка Ордуновна, брат славного арабского воина Абд-эль-Крима, даже первая польская королева красоты «Лимба»⁵, которая за свою красу получила в подарок путешествие на нашей Гранд-Люкс-Торпедо.

При таких обстоятельствах мы никогда не могли знать, на какую тему и с кем придёт вступить в поединок. Не желая, чтобы нас посчитали людьми ограниченными, мы стремились разузнать как можно больше хотя бы о тех объектах, которые можно было увидеть с палубы

Адольф Дымша

³ Анджей Струг, собственно Тадеуш Галэцкий (1871–1937) — популярный писатель, публицист, политический деятель (примеч. переводч.)

⁴ Адольф Дымша, собственно Адольф Багинский (1900–1975) — популярный актёр театра и кино (примеч. переводч.)

⁵ Владислава Костакувна — Мисс Полония—1929 (примеч. переводч.)

КАПИТАН

Конрад де Монферрат

нашего судна в окрестностях Яффы и на побережье между Яффой и Хайфой.

Путешествие вдоль этого побережья, по которому передвигались караваны, состоящие иногда из многих десятков дромадеров, навевало воспоминания о картинках из старых изданий Библии. Создавалось впечатление, что время повернулось вспять, и перед нами — жизнь минувшей эры.

Мы располагали путеводителями по Палестине на всех в какой-то степени понятных нам языках и при случае могли составить даже на иностранном языке ответ, который бы удовлетворил любопытство и воображение спрашивающего.

На вопрос, касающийся стен Акры, мы всегда были готовы рассказать, к примеру, историю взятия этой крепости с помощью пчёл, выстреливаемых из катапульт в огромных корзинах, хотя историческая ценность этого повествования вызывала у нас немалые сомнения. Мы даже могли показать места, где происходили самые кровавые битвы и самые пышные рыцарские турниры. Мы абзацами цитировали Флавия, чтобы описать вид молочно-медового изобилия Палестины в былые времена. Нам надлежало знать фамилии и знаки таких рыцарей,

как Ги де Лузиньян или Конрад де Монферрат, отличившихся в крестовых войнах. Без запинки мы должны были отрицать или подтверждать, в этом ли месте, о котором спрашивали, высаживались упомянутые рыцари или же нет. И ещё — есть ли в этом месте памятная книга, куда спрашивающие смогли бы вписать себя, когда сойдут на иудейскую землю?

«Полония» стала привлекательной не только среди знаменитых личностей, но и среди тех, кто лишь пытался стать такими именно благодаря путешествию на нашей Гранд-Люкс-Торпедо. Были ими так называемые «зайцы» — безбилетные пассажиры, которых на немецкий манер мы называли блиндами. Эта категория пассажиров, как, впрочем, и предыдущая, поднималась к нам на борт во всех портах, куда мы заходили на протяжении каждого двухнедельного рейса. И одни, и другие представляли собой все национальности средиземноморского бассейна.

Борьба с безбилетниками никогда не прекращалась. Организованный их поиск начинался с момента прекращения контакта с берегом, перед самым выходом в море. После сбора на мостике все офицеры, вооружённые огромными электрическими фонарями, расходились по назначенным секциям, чтобы тщательно их

Ги де Лузиньян

обыскать. В поисках принимали участие также «машина» и «отель». Ещё ни разу в ходе таких служебных поисков нам не удавалось кого-либо обнаружить. Чаще всего мы находили этих пассажиров во время ночных обходов на шлюпочной палубе в момент, когда те питались «позаимствованным» из шлюпок неприкосновенным запасом, в который всегда входили сухари, сгущённое молоко и пресная вода. Распознать безбилетника днём среди тысячной массы никому не известных пассажиров было невозможно. Такой пассажир, обнаруженный в море, немедленно изолировался, в судовой журнал вносилась запись, а затем его ставили на пищевое довольствие и периодически выводили на свежий воздух. По приходу в порт нужно было тут же уведомить полицейские власти о наличии на борту неизвестного субъекта и затем не спускать с него глаз, поскольку возможное бегство «зайца» могло обойтись нам недёшево, если полиция уже была о нём уведомлена.

Однажды при ночном обходе в луче света электрического фонарика, направленного на шлюпку, я разглядел фигуру пятидесятилетнего блинда. Тот вежливо охрипшим голосом представился мне, как старый знакомый:

— Пан поручник, я с вами мальчиком в Нью-Йорк плывал!

Это могло означать, что он временно нанимался на камбуз в качестве кухонного мальчика для исполнения таких работ, как чистка картошки и мытьё посуды. На первых порах наша судоходная компания частенько нанимала в качестве юнг людей, которые уже давным-давно вышли из детского возраста. Кроме «старого знакомого» в этой самой шлюпке питалось ещё двое его приятелей. Все они сумели приехать на поезде вместе с эмигрантами из Польши затем лишь, чтобы попутешествовать на «Полонии». Обратное путешествие им пришлось провести в изоляторе для безбилетников, а после прихода судна в Констанцу их отослали в Польшу за счёт «Польской трансатлантической судоходной компании», переименованной позднее в «Гдыня — Америка судоходные линии».

Продолжение на 26-й стр.

БОЛЕЕ сложным безбилетным пассажиром стал сын пустыни — бедуин. Заметили мы его как-то с мостика, когда он покидал «изолятор» для безбилетников. Судно уже длительное время находилось в море, и мы знали, что помещение для безбилетных пассажиров давно пустует.

Нам он поведал, что зовут его Селим, и живёт он в этом помещении давно. Говорил он по-английски и по-французски, но никак не мог вспомнить, в каком из портов вошёл к нам на борт, не помнил и откуда родом. Селим после окончания нашего двухнедельного рейса автоматически отправился во второй, поскольку полицейские власти портов, в которые мы заходили, не желали его принимать. Каждой полиции он подробно рассказывал нечто совершенно другое и называл себя иначе.

После нескольких рейсов судно было уже готово оплатить штраф за его побег, лишь бы только от «зайца» избавиться. Мы перестали за ним следить и закрывать на замок «изолятор». Селим не только не убегал, но и с необычайной пунктуальностью появлялся на приём пищи.

В конце концов нам пришла замечательная мысль, как избавиться от Селима, который уже сумел использовать несколько десятков арабских имён, внесённых в его дело. Этот проект не удалось реализовать из-за неодобрительного отношения и упорства румынских властей. А имели мы в виду купить верблюда, переодеть Селима бедуином и отправить весь комплект в варшавский зоосад. Но полиция в Констанце сказала, что, поскольку у него несколько десятков фамилий, то она не знает, на какую из них оформлять визу...

Потом мы решились на другую идею. Так как Селима мы не держали взаперти, то отдали его в распоряжение боцмана. Селим стал работать на баке под надзором вахтенного офицера. Боцман Барраш, чрезвычайно требовательный и щепетильный, поручил ему вычистить и покрасить грузовую лебёдку.

Палуба вокруг лебёдки была в ржавых подтёках.

ЗНАЧИТ

Сама лебёдка по случаю частого использования вся была в ржавых и жирных пятнах. Через неделю она стала выглядеть так, будто её подготовили к отправке на выставку. Краска и смазка были удалены, на ней не осталось ни пятнышка ржавчины. Боцман выдал Селиму краску и эмаль для покраски лебёдки, но и без того она была приведена в порядок, достойный самого изощрённого устройства на судне. Поверхности латунных маслёнок, размещённых на лебёдке, и медных паропроводов к ней были доведены до зеркального блеска. В них можно было рассматривать себя, и полыхали они на солнце ярким пламенем. Палуба вокруг лебёдки была вычищена и светилась натуральным цветом дерева, а все щели на палубе были зачищены и залиты варом.

После каждого применения лебёдки Селим незамедлительно приводил её в такое состояние, что могла бы она претендовать на *Grand Prix International*.

Было это, пожалуй, первое в мире судно, на котором старший офицер с радостью поднимался

на вахту в четыре утра, чтобы в свете утренней зари насладиться видом грузовой лебёдки, которая в утреннем освещении выглядела наиболее эффектно.

Через несколько месяцев все грузовые лебёдки были приведены в такой же вид. На их фоне наш брашпиль — мощная якорная лебёдка, стал теперь выглядеть очень жалко. Поэтому боцман в очередной раз и направил Селима к нему.

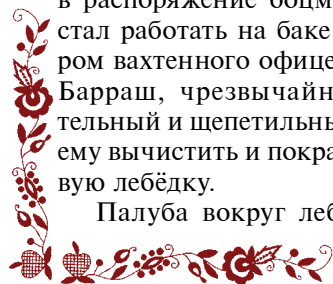
Брашпиль постоянно был яблоком раздора между «палубой» и «машиной», как и две наши дымовые трубы. Трубы, старательно выкрашенные в жёлтый цвет, несомненно представляли собой наиважнейшее украшение пароходов нашей линии. К сожалению, с трудом положенная на них краска зачастую сгорала из-за непомерного рвения «машины», с азартом шурующей в топках котлов. Поэтому «палуба» мечтала о тех добрых временах, когда не было ещё труб, машин и механиков. Были парусники, а на них штурманы. Даже переходный период, когда существовали и паруса и машины, казался лучше нынешнего, поскольку капитаны могли выразить своё полное пренебрежение механикам, останавливая машины и входя в порт под парусами.

На «Полонии» в одном из рейсов, когда Анджей Струг постоянно гостил на мостике, и капитан был вынужден давать исчерпывающие ответы на все темы, интересующие великого писателя, мы услышали несколько слов о механиках:

— Значит, штиль, а вовсе не штормы, был страшнейшим врагом парусников. Долгие штилевые периоды становились причиной затягивания рейса крупных парусников, а отнюдь не штормы. С сильными ветрами хорошие моряки справлялись с лёгкостью, а вот преодолеть штили наилучшие мореходы были не в силах. Значит, раньше желали мореходам исключительно сильных ветров. Пожелания попутных ветров воспринималось моряком, как большое оскорбление и выражение

Бедуин

КАПИТАН

Южная стена храмовой горы в Акре, Иерусалим

недоверия к его профессиональному умению. Значит, жажда приключений породила навигаторов. Значит, штили стали причиной появления машин и механиков.

Вид вычищенных грузовых лебёдок пробудил воображение наших механиков, и, когда Селим привёл в состояние великолепия брашпиль, на который «машина» по непонятным причинам в некотором роде притязала, механики потребовали отдать Селима в машинное отделение.

Это вынудило спрятать Селима под палубу, в боцманские кладовые. За короткое время Селим привёл находящиеся в носу судна помещения в такое же состояние, что и лебёдки. Исчезли малейшие пятнышки ржавчины, всё было прогрунтовано суриком и выкрашено в белый цвет. Над каждой ячейкой с материалами была прикреплена рамочка, в которую вставлена картонка с наименованием материала. Имелось место и для записи остатка израсходованного материала. Когда у нас проснулось желание отправить Селима на корму в румпельное отделение, чтобы его тоже привести в идеальное состояние, Селима разоблачил

один из милейших офицеров английской полиции в Хайфе, огромный ирландец Пайк. Он, желая избавить нас от проблем с Селимом-Шехерезадой и от его рассказов из «Тысячи и одной ночи», не поленился установить происхождение Селима и восстановить его память. Удалось Пайку разобраться, откуда Селим родом и к какому египетскому племени принадлежит.

Даже вид вычищенных лебёдок не помешал нам с радостью распрощаться с Селимом, которого отправили в Египет. Мы были благодарны Пайку за помощь в безнадёжной, казалось бы, ситуации.

Пайк, прежде, чем мы познакомились, увидел мои полуботинки, которые я повесил на леере, когда однажды, желая вспомнить давние времена на «Львове», я принял участие в утренней приборке палубы. Заметив их, Пайк стал расспрашивать, кто это у нас ходит в дингах⁶? Когда мы уже познакомились, он стал называть меня исключительно «человеком в дингах». Сколько бы раз мы ни заходили в Хайфу, Пайк всегда заглядывал на судно, чтобы поговорить и выпить рюмку вина или чашечку кофе.

Как-то мне забыли заменить новым пропуск для схода на берег. Это был период еврейско-арабских стычек. Поскольку у меня появилось желание побывать на берегу, я попросил Пайка выдать мне какое-нибудь временное удостоверение. Офицер вынул из кармана инкрустированный перочинный ножик и вручил его мне, говоря, что с ним я смогу свободно перемещаться по всей Палестине. В случае, если бы мы не встретились перед выходом «Полонии» в море, он попросил меня отдать ножик любому полицейскому.

При выходе в город я решил удостовериться в действительности этой «охранной грамоты», и на проходной показал вместо пропуска ножик Пайка. Полицейский вытянулся струной и отдал мне честь, прилагая ладонь к огромной каракулевой шапке. Меня по-детски порадовала такая реакция на вид ножика. У меня не было ни малейшей нужды и никакого намерения ехать в Акру, однако я туда поехал исключительно для того, чтобы убедиться, на каком расстоянии от Хайфы ножик может заменять пропуск.

Акру стерегли больше, чем любой другой город, поскольку в ней размещалась огромная тюрьма. Почти везде, а особенно на перекрёстках автострад, следовало предъявлять документы. Где бы я ни показывал ножик, эффект был тот же, что и на портовой проходной.

Из Акры я вернулся в Хайфу на судно. Затем поехал на пляж Каят-Бич. Этот замечательный пляж предоставляет развлечение в виде огромного количества крабов, гнездящихся вдоль побережья. Если пляж безлюден, то они забавляются вдали от воды. Если же кто-нибудь к ним приближался, то крабы стремительно бежали в море, чтобы спрятаться, закопавшись в песок. Если кому-нибудь удавалось пересечь крабу дорогу и не дать ему сбежать, тогда краб приподнимался на своих ножках, желая показаться большим, поднимал одну клешню вверх и угрожал ею, как палицей, тому, кто посмел стать на его пути.

Окончание на 28-й стр.

⁶ Динги — небольшие рабочие шлюпки, используемые на судах для подкраски бортов и тому подобных работ

ЗНАЧИТ КАПИТАН

Кароль Ольгерд БОРХАРДТ

Начало на 16-й стр.

ЖЕЛАЯ с этими крабами познакомиться поближе, я поймал нескольких, завернул в полотенце, спрятал в коробку и привёз на судно. После ужина я принялся за кормление крабов. Рассадив их вокруг тарелки, я наливал в неё по очереди сок из ягод и фруктов.

Крабы совершенно не боялись и не разбегались. С серьёзным спокойствием вкушали они подаваемые блюда. Больше всего крабам пришлось по вкусу мороженое. С благоговением и изяществом погружали они кончики клешней в холодную густую массу, и одну её капельку, как наполненный кубок, подносили на манер рыцарей, закованных в доспехи, к отверстию в забрале. Навевшись, они стали между собой возиться, как бы в стремлении сбросить друг друга со стола. Тогда я вставил им между панцирем и ножками зубочистки, и разместил их визави. Крабы пошли в атаку друг на друга, не упуская на бегу воткнутого им миниатюрного копыя.

Сходство крабов с рыцарями и образ их схваток напоминали мне рассказы Вальтера Скотта о рыцарских турнирах и схватках крестоносцев.

Весь вечер я провёл за раскраской панцирей моих рыцарей. Я серебрил и золотил их доспехи, спинные щиты разрисовывал вымышленными львами, крестами, лилиями и полумесяцами. самого большого краба я украсил арабесками в зелёных и золотых тонах; по этой причине и получил он имя одного из мусульманских рыцарей — Салах-ад-дин Юсуф ибн Аюб. Имя это состояло почти из стольких же имён, сколько их было у нашего Селима, который привёл в порядок лебёдки. Остальные «рыцари» носили не менее великолепные имена королей и графов. Были и Ги де Лузиньян и Конрад де Монферрат, Ричард Львиное Сердце и Август Филипп. На ночь крабов я оставлял в каюте в картонной коробке. Ночью мне снились осада Акры и битва под Тибериадой.

С утра я заглянул к крабам. Они чувствовали себя прекрасно, доспехи выглядели великолепно, блистая золотом и серебром.

На палубе я встретил Пайка. Когда я возвращал ему «охранную грамоту», то услышал в ответ точную информацию, сколько раз ножик предъявлялся и в каких местах я побывал.

С нетерпением ожидал я обещанного перерыва, чтобы устроить рыцарский турнир. Пока что я намеревался лишь попробовать, но в случае удачи мечтал показать и другим крестовую войну в миниатюре.

Блистательных рыцарей вынес я на мостик и расставил их в боевом порядке. Сначала в поединке на копьях сошлись Салах-ад-дин Юсуф ибн Аюб, кратко именуемый неверными Саладином, и рыцарь Ги де Лузиньян.

Оба рыцаря уже стояли друг против друга. Саладин двинулся в бой, пытаясь направить копьё в лоб противника. Ги де Лузиньян не проявлял излишнего запала, несмотря на прекрасные сине-серебристые латы. Вид несущегося в атаку Саладина возбудил Ричарда Львиное Сердце с тремя красными львами на золотом щите. Он ринулся наперерез золотистому Саладину, будто торопился на помощь находящемуся под угрозой Ги де Лузиньяну.

В момент, когда мне удалось задержать Ричарда Львиное Сердце, раздался хорошо мне знакомый голос капитана:

— Значит, где вы выращиваете и размножаете этих животных, и давно ли вы их дрессируете?

Капитан стоял надо мною и наблюдал за рыцарским турниром. Обрадовавшись проявлению капитанского интереса, я выпрямился и ответил:

— Привёз я их вчера из Каят-Бич. Им очень нравится мороженое. Сейчас наступает Салах-ад-дин Юсуф ибн Аюб на Ги де Лузиньяна, а этот сбоку — Ричард Львиное Сердце.

В этот момент Саладин нанёс удар копьём Ги де Лузиньяну, который позорно обратился в бегство, ища спасения у ног капитана.

— Значит...

Капитан неожиданно прервал и отскочил от несущегося в его направлении побеждённого «рыцаря».

— Значит, вы избрали необычный и неожиданный вид развлечения. Значит, я не переносу общения с рептилиями и ракообразными. Вы меня понимаете? Значит, я надеюсь, что вы их на мостике не оставите. Значит, ни одного!

Продолжение следует

Краб

Różny los spotykał na przestrzeni wieków siedziby szlacheckie i ziemiańskie. Część z nich zniknęła na dobre, a inne zostały zniszczone zębem czasu, a często zabrane właścicielom.

PAŁAC W ŁOCHOWIE

TE w których były muzea, szkoły, urzędy ocalały, inne zdewastowano... Dziś nie zawsze wracają do prawowitych właścicieli. Często nie stać ich na remont, konserwację, więc sprzedawane są tym co mają pieniądze. W odremontowanych pałacach, zamkach, dworach są hotele, muzea, a w niektórych mieszkają nowi właściciele.

Łochów to niewielkie miasteczko na Mazowszu w Dolinie Dolnego Bugu nad rzeką Liwiec. Wokół miasta znajduje się kompleks lasów mieszanych.

Pierwsze wzmianki o miejscowości pochodzą z XIV wieku. Pierwotnie była to osada na prawie książęcym na skraju Puszczy Kamienieckiej o nazwie Łochowiec, gdzie odbywały się polowania.

Łochów został lokowany na prawie chełmińskim jako wieś w 1378 roku przez księcia mazowieckiego Siemowita III i nadany na własność Wawrzyńcowi Pieńce. Na przełomie XIV i XV wieku właścicielem dóbr łochowskich został bliski współpracownik księcia mazowieckiego Janusza I Starszego Wawrzyniec z Targowego. Był on członkiem rodu Kuszabów herbu Kuszaba, który w XVI wieku przyjął nazwisko Łochowscy. Rodzina ta była w posiadaniu wsi do XVII wieku.

W 1488 roku staraniem właścicieli we wsi, nazywanej wówczas Łochowo, erygowano parafię. Nie istniała ona jednak długo, gdyż w połowie XVI wieku pałacówka ta została przeniesiona do miejscowości Kamionna.

W XVIII wieku Łochowo przeszło na własność rodziny Kuszaków. Pod koniec XVIII wieku było krótko współwłasnością rodów Hryniewiczów i Zielińskich.

Zespół pałacowo-parkowy to XIX wieczny obiekt, wykonany na zamówienie Józefa hrabiego Hornowskiego. Pierwotnie był to parterowy dwór. Budynek z

kolumnowym portykiem zbudowano w 1830 roku. W trakcie późniejszej rozbudowy, realizowanej w latach 1852–1854 według projektu i pod nadzorem czołowego architekta epoki Bolesława Pawła Podczaszyńskiego, wykonano dwa piętrowe ryzality i frontowy portyk z żeliwnymi kolumnami. Wnętrza utrzymane były w typowym dla XIX wieku stylu

Pałac w Łochowie należał kolejno do znamienitych polskich rodów szlacheckich i arystokratycznych: Hornowskich, Downarowiczów, Zamoyskich i Kurnatowskich.

Zdzisław hrabia Zamoyski, syn Andrzeja (1842–1925), który był właścicielem majątku i go rozbudował. Od roku 1913 właścicielami majątku zostali Elżbieta hrabina Zamoyska – córka Zdzisława i jej mąż Eryk hrabia Kurnatowski. W dwudziestolecie międzywojennym majątek został częściowo podzielony. Właściciele byli znawcami i hodowcami koni. Byli to dobrzy dziedzice. Organizowali wyścigi konne i polowania w pobliskich lasach. Po roku 1945 majątek przejęło państwo. W pałacu zamieszkali robotnicy rolni, urządzono świetlicę i zlokalizowano pocztę. Budynek został zdewastowany, także rozebrano część obiektów. Z dawnej świetności pozostały fragmenty ozdobnych parkietów, stiuki, część kominka oraz piec kaflowy z ozdobnym szczytem w Sali Muzycznej.

Z losami Pałacu związany był nasz zasłużony wieszcz – Cyprian Kamil Norwid. Babka poety, Anna z Sobieskich Zdzieborska i Józefa Hornowska były siostrami. Norwid bywał częstym gościem u wujostwa.

Pałac Łochów został odbudowany i odrestaurowany przez firmę deweloperską Arche S.A. w latach 2004 – 2008. I ona jest jego właścicielem. Dzięki panu prezesowi Władysławowi Grochowskiemu

odbudowano nie tylko pałac, ale kuźnię pałacową, kuchnię i oranżerię. Na frontonie pałacu znajdują się dwie tablice: jedna poświęcona Metardowi Downarowiczowi, działaczowi niepodległościowemu, a druga Cyprianowi Kamilowi Norwidowi. W oranżerii mieści się galeria obrazów malarki Leny Grochowskiej, szefowej fundacji która pomaga Polakom na Wchodzie. Fundacja powstała w 2014 roku, a jej głównym celem jest zapewnienie mieszkań i pracy Polakom z Kazachstanu, Ukrainy i innych państw byłego Związku Radzieckiego.

W grudniu 2014 roku została sprowadzona z Kazachstanu rodzina państwa Przyluckich, która zamieszkała w Łochowie. Fundacja zapewniła mieszkanie również rodzinie Libenko z Uzbekistanu.

31 stycznia 2015 roku został zorganizowany bal charytatywny „Dla rodziny z Donbasu”, z którego przychód został przekazany na zakup mieszkania dla repatriantów z Ukrainy. Poza pomocą repatriantom fundacja angażuje się także w działalność kulturalną. Od początku działalności zostały zorganizowane dwa plenery malarskie w Pałacu Łochów: letni i zimowy, III edycja międzynarodowego konkursu Sztuki Nieprofesjonalnej „Szukamy Nikifora” oraz Targi Rękodziela Artystycznego w Siedlcach.

W pałacu mieści się hotel, bardzo gustownie urządzonej z miłą profesjonalną obsługą.

Wokół pałacu rozciąga się piękny park ze stawem. Znajduje tam się nieduża wyspa na której stoją pomniki naszych twórców, m.in. Norwida, Dąbrowskiej, Sienkiewicza, a nawet Heleny Mniszkówny.

Na terenie Zespołu Pałacowego znajduje się niewielki drewniany kościółek w którym raz w miesiącu odprawiana jest msza św. a także udzielane są śluby.

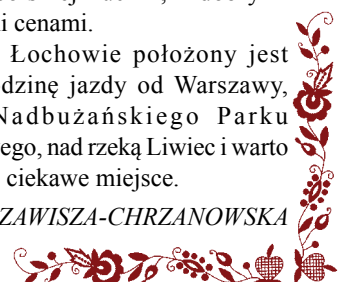
W budynku kuchni pałacowej mieszczą się gabinety odnowy biologicznej, spa, masaż, sauna i jacuzzi.

Jest też możliwość korzystania z rowerów, kajaków, a nawet pożyczania roweru aby odbywać wycieczki po malowniczej okolicy.

Karczma Pałacowa słynie ze wspaniałej polskiej kuchni, z dobrymi przystępnymi cenami.

Pałac w Łochowie położony jest zaledwie godzinę jazdy od Warszawy, w sercu Nadbużańskiego Parku Krajobrazowego, nad rzeką Liwiec i warto odwiedzić to ciekawe miejsce.

Iwona ZAWISZA-CHYZANOWSKA

- 915 lat – W Płocku zmarł książę Władysław I Herman (4.06.1102).
- 600 lat – Władysław Jagiełło poślubił w Sanoku Elżbietę Granowską (9.05.1417).
- 570 lat – Koronacja Kazimierza IV Jagiellończyka (25.06.1447).
- 560 lat – Wykupienie Malborka, Tczewa i Iławy przez króla polskiego Kazimierza IV Jagiellończyka z rąk nieopłaconych przez krzyżaków najemników czeskich. Wielki mistrz przeniósł swą siedzibę do Królewca (06.1457).
- 525 lat – Zmarł w Grodnie Kazimierz IV Jagiellończyk, król Polski i wielki książę litewski (7.06.1492).
- 505 lat – W bitwie pod Wiśniowcem przez wojska koronne i litewskie został odparty najazd Tatarów na pogranicze południowo-wschodnie (28.04.1512).
- 360 lat – Męczeńska śmierć świętego Andrzeja Boboli – patrona Polski (16.05.1657).
- 350 lat – Zmarła królowa Maria Ludwiga Gonzaga, żona Władysława IV, a następnie Jana II Kazimierza (10.05.1667).
- 225 lat – Na ziemię Rzeczypospolitej wkroczyła 100-tysięczna armia rosyjska, która bardzo szybko zajęła prawie całą Litwę (18/19.05.1792).
- 225 lat – Król Stanisław August Poniatowski ustanowił order Virtuti Militari na wieść o zwycięstwie księcia Józefa Poniatowskiego pod Zieleńcami (22.06.1792).
- 220 lat – Urodził się Paweł Edmund Strzelecki, podróżnik, geolog, geograf, badacz Australii (24.06.1797).
- 215 lat – Dwie półbrigady Legionów Polskich zostały oddane w służbę Republiki Włoskiej (22.04.1802).
- 215 lat – Wysłanie półbrigady polskiej na wyspę San Domingo celem stłumienia powstania. Z wysłanych 5500 żołnierzy wróciło 330 (18.05.1802).
- 205 lat – Wysłannik Napoleona arcybiskup Dominique de Fourn de Pradt oświadczył Polakom, że cesarz zamierza odbudować Polskę w jej dawnych granicach (5.06.1812).
- 205 lat – Początek „drugiej wojny polskiej” – jak Napoleon określił wojnę z Rosją w rozkazie do swej armii (22.06.1812).
- 205 lat – W Warszawie zwołano Sejm Nadzwyczajny, który wezwał do udziału w drugiej wojny polskiej i ogłaszał odrodzenie Królestwa Polskiego (26.06.1812).
- 205 lat – Utworzono Konfederację Generalną Królestwa Polskiego pod wodzą Adama Kazimierza Czartoryskiego (28.06.1812).
- 200 lat – We Lwowie, stolicy Galicji i Lodomerii, cesarz Austrii Franciszek II powołał Sejm Stanowy, w którym zasiedli przedstawiciele szlachty i mieszczan (13.04.1817).
- 200 lat – W Warszawie urodził się Stanisław Lilpop, wynalazca, mechanik oraz pionier przemysłu maszyn i narzędzi rolniczych (7.05.1817).
- 200 lat – We Lwowie hrabia Józef Maksymilian Ossoliński założył Zakład Narodowy (zwany *Ossolineum*), ośrodek prowadzący działalność na rzecz rozwoju kultury narodowej (4.06.1817).
- 195 lat – Po wybraniu do Rady Wojewódzkiej Kaliskiej posłów Wincentego i Bonawentury Niemojowskich Senat unieważnił wybory, a kiedy wybrano ich powtórnie, król Aleksander rozwiązał radę (05.1822).
- 185 lat – W Paryżu powstało Towarzystwo Literackie Polskie. Prezesem został Adam Jerzy Czartoryski (29.04.1832).
- 185 lat – Papież Grzegorz XVI w breve *Cum primum* potępił spiski i powstania i nakazywał lojalności wobec monarchy (9.06.1832).
- 175 lat – Urodziła się Maria Konopnicka, pisarka (23.05.1842).
- 155 lat – Otwarto pierwszy odcinek *Warszawa-Białystok* kolei Warszawsko-Petersburskiej (18.05.1862).
- 155 lat – Car Aleksander II wydał ukazy o oczyszczaniu włościan, likwidacji serwitutów i równouprawnieniu Żydów w Królestwie Polskim (5.06.1862).
- 150 lat – Urodził się Władysław Stanisław Reymont (właściwie Rejment), pisarz, laureata Nagrody Nobla (7.05.1867).
- 150 lat – W Petersburgu powołano Kolegium Rzymskokatolickie, które miało kierować działalnością Kościoła katolickiego w Rosji (22.05.1867).
- 150 lat – Cesarz Franciszek Józef I zatwierdził uchwały Sejmu Krajowego w Galicji wprowadzające praktycznie język polski, jako wykładowy do szkół (22.06.1867).
- 145 lat – Zmarł Stanisław Moniuszko, kompozytor, twórca opery narodowej (4.06.1872).
- 135 lat – We Lwowie powstała instytucja oświatowa *Macierz Szkolna*, której patronował Józef Ignacy Kraszewski (9.05.1882).
- 130 lat – W Genewie zmarł Józef Ignacy Kraszewski, autor przeszło 500 prac, w tym 232 powieści (19.03.1887).
- 120 lat – Członkowie Ligi Narodowej utworzyli we Lwowie Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne. Przywódcą został Roman Dmowski (1.06.1897).
- 105 lat – Zmarł pisarz Bolesław Prus – właściwie Aleksander Głowacki, autor m.in. *Lalki* i *Faraona* (19.05.1912).
- 105 lat – W Warszawie na placu Saskim otwarto bazylikę prawosławną pod wezwaniem Aleksandra Newskiego (2.06.1912).
- 100 lat – W odpowiedzi na odezwę rosyjskiego Rządu Tymczasowego Tymczasowa Rada Stanu stwierdziła, że spór o ziemię powinien być rozstrzygnięty zgodnie z interesem niepodległej Polski z uszanowaniem woli mieszkańców tych ziem (6.04.1917).
- 100 lat – Austro-Węgry przekazały Polski Korpus Posiłkowy – Polskiej Sile Zbrojnej (10.04.1917).
- 100 lat – Polskie stronnictwa (PPS, PSL, Narodowa Demokracja, Stronnictwo Polityki Realnej, Narodowy Związek Robotniczy i Liga Państwowości Polskiej) podpisały deklarację z żądaniem przyznania niepodległości dla ziem dawnego Wielkiego Księstwa Litewskiego z nadzieją na dobrowolne połączenie się Litwy z Polską (19-22.05.1917).
- 100 lat – Ukazał się dekret prezydenta Francji Raymonda Poincaré o utworzeniu Armii Polskiej we Francji (4.06.1917).
- 100 lat – I Ogólny Zjazd Wojskowych Polaków w Piotrogradzie powołał Naczelny Polski Komitet Wojskowy (7-22.06.1917).
- 95 lat – Zniesiono granicę celną między Polską a Wolnym Miastem Gdańskiem (1.04.1922).
- 95 lat – W Genewie Polska i Niemcy podpisały tzw. konwencję górnośląską regulującą całokształt stosunków na Górnym Śląsku (15.05.1922).
- 95 lat – Urodził się Jerzy Broszkiewicz, prozaik, eseista, autor sztuk scenicznych, autor książek dla dzieci i młodzieży (6.06.1922).
- 95 lat – Biskupi prawosławni w Polsce uchwalili autokefalię, czyli uniezależnienie od patriarchatu w Moskwie. Cerkwi w Polsce podlegało 3 miliony wiernych (14.06.1922).
- 95 lat – Ziemie śląskie przyznane Polsce przez Radę Ambasadorów zostały przyłączone do macierzy (18.06.1922).
- 90 lat – Na Wawelu uroczystie pochowano prochy Juliusza Słowackiego sprowadzone z Francji (28.06.1927).
- 85 lat – W Warszawie otwarto *Instytut Radowy*, który otrzymał imię Marii Skłodowskiej Curie (29.05.1932).
- 80 lat – Ustanowiono Święto Niepodległości obchodzone 11 listopada (23.04.1937).
- 80 lat – Polski pawilon zdobył 281 odznaczeń, w tym 86 Gran Prix, na wystawie sztuki i techniki w Paryżu (17.06.1937).
- 80 lat – Metropolita krakowski ksiądz arcybiskup Adam Sapieha dokonał przeniesienia trumny ze zwłokami Józefa Piłsudskiego z krypty świętego Leonarda do krypty pod wieżą Srebrnych Dzwonów. Wywołało to konflikt rządu z Kościołem (23.06.1937).
- 75 lat – Zmarł w Nowym Jorku Bronisław Malinowski, etnolog, antropolog, socjolog i publicysta (16.05.1942).
- 70 lat – Wyprodukowano pierwszy traktor typu „Ursus” (30.04.1947).
- 60 lat – Premiera filmu *Kanał* Andrzeja Wajdy zapoczątkowała epokę wielkich filmów rozrachunkowych (20.04.1957).
- 60 lat – Zmarł w Skarżysku-Kamiennej Leopold Staff, znakomity poeta (21.05.1957).
- 55 lat – W Warszawie otwarto nowoczesny *Supersam* – pierwszy tego typu sklep w Polsce (6.06.1962).
- 45 lat – Zmarł prozaik Michał Choromański, autor słynnej powieści *Zazdrość i medycyna* (24.05.1972).
- 45 lat – Zmarł Antoni Kępiński, znakomity psychiatra, profesor Akademii Medycznej w Krakowie (8.06.1972).
- 25 lat – Podpisanie umowy o wycofaniu wojsk radzieckich z Polski (21.05.1992).
- 15 lat – Rozpoczął się Narodowy Spis Powszechny (21.05.2002).

Ziarnko do ziarnka, zrobi się miarka

Пушинка к пушинке, и выйдет перинка

Łaska Pana na pstrym koniu jeździ

Барская милость — что кисельная сытость

Jak się nie ma, co się lubi, to się lubi, co się ma

На безрыбье и рак рыба

Co z oczu, to z serca

С глаз долой из сердца вон

Raz na wozie, raz pod wozem

За каждым спуском есть подъём

Gdzie nic nie ma, tam i sam Pan Bóg nie bierze

На нет и суда нет

Nieobecni nie mają racji

Кого нет, с того и ответ

Co nowe, to lepsze

Что ново, то мило

Nic nowego pod słońcem

Ничто не ново под луной

Od stóp do głów

С головы до ног

Nie pchaj nosa, gdzieś nie dał grosza

Не суй свой нос в чужой вопрос

Pańskie oko konia tuczy

От хозяйского глаза жиреет и кот

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 2 (54) 2017 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 2 (54) 2017 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар-центр, 350000, Россия

ZESPÓŁ POLONIJNY «CZARUJĄCE PRZEBOJE»

Diana GAJTYNA

Tamara RYLSKA

Świetłana SIELICKA

Lubow STELMACH